

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 127–176.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 1 (2024): 127–76.

Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-4>

EDN TIZOCX

Социальные сети читателей радикальной литературы: случай Архангельской духовной семинарии, 1870–1872 гг.

Юлия Александровна Сафронова

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия,

jсаfronova@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3900-1994>

Yuliya A. Safronova

European University at St Petersburg,
St Petersburg, Russia,

jсаfronova@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3900-1994>

Аннотация. В статье анализируется начальный этап развития революционного народничества через читательские практики поколения 1870-х гг. Автор обращается к сети учеников Архангельской духовной семинарии, существовавшей в начале 1870-х гг., рассматривая ее как типичный случай читательского сообщества в среднем учебном заведении. В статье показана связь радикализации семинаристов с реформой духовного образования 1867 г. В ней также выявлены контакты духовных воспитанников с политическими ссыльными, присутствие которых в Архангельске усложняет анализируемый кейс.

Отношения участников сообщества, реконструируемые на основе переписки семинаристов и выпускников, а также материалов педагогических собраний правления, исследуются с помощью инструмента анализа социальных сетей Gephi. Автор показывает замкнутость анализируемой сети в рамках духовного сословия. В губернском городе главными контрагентами семинаристов были учителя и воспитанники духовных училищ, а не их единомышленники из светских учебных заведений. Внутри семинарии анализируемая сеть характеризуется слабыми связями. Хотя интерес к радикальной литературе проявляли ученики всех классов, участники сети поддерживали отношения внутри небольшой группы, члены которой имели значительную разницу в возрасте. При этом ученики одного курса могли не знать об общих увлечениях и презрительно отзываться об одноклассниках.

Автор приходит к выводу, что поступление в высшее учебное заведение, бывшее основной целью анализируемой группы, не обязательно приводило к дальнейшему вовлечению в

© Сафронова Ю.А., 2024

© Safronova Yu., 2024

революционное движение. Увлечение радикальной литературой в среднем учебном заведении не определяло автоматически жизненные траектории представителей поколения 1870-х гг.

Ключевые слова: политический протест, социальные сети, революционное народничество, духовная семинария, практики чтения

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00520 «За пределами «колониальности» и национализма: пространства интеграции в Российской империи (XIX – начало XX в.)»), <https://rscf.ru/project/23-18-00520/>.

Для цитирования: Сафронова Ю.А. Социальные сети читателей радикальной литературы: случай Архангельской духовной семинарии, 1870–1872 гг. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 127–176, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-4>

Social Networks of Radical Literature Readers: The Case of Arkhangelsk Theological Seminary, 1870–1872

Abstract. The article analyzes the initial stage of the development of the revolutionary Narodnik movement through the reading practices of the 1870s generation. The author addresses an issue of the student network in Arkhangelsk Theological Seminary, which existed in the early 1870s, considering it as a typical case of a reading community in a secondary educational institution. The article shows the connection between radicalization of seminarians and reform of ecclesiastical education in 1867. It also reveals contacts of ecclesiastical students with political exiles, whose presence in Arkhangelsk makes the analyzed case more complex.

The relationships of community members, which are reconstructed on the basis of correspondence between seminarians and graduates as well as materials from pedagogical board meetings, are examined by means of Gephi, a social network analysis tool. The author shows isolation of the network under analysis within the clergy estate. In the provincial city, the main counterparties of the seminarians were teachers and students of theological schools rather than their like-minded fellows from secular educational institutions. Within the seminary, the network under analysis is characterized by weak connections. Although students from all grades showed interest in radical literature, the network members maintained relationships within a small group whose members had a significant age difference. At the same time, students of the same year could not know about common interests and speak contemptuously about their classmates.

The author comes to the conclusion that admission to a higher educational institution, which was the main goal of the analyzed group, did not necessarily lead to further involvement in the revolutionary movement. Interest in radical literature in secondary school did not automatically determine the life trajectories of the 1870s generation representatives.

Keywords: political protest, social networks, revolutionary the Narodnik movement, theological seminary, reading practices

Acknowledgements: This article has been prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00520 “Beyond ‘Coloniality’ and Nationalism: Spaces of Integration in the Russian Empire (19th – beginning of the 20th century),” <https://rscf.ru/project/23-18-00520/>

For citation: Safronova, Yu.A. “Social Networks of Radical Literature Readers: The Case of Arkhangelsk Theological Seminary, 1870–1872.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 1 (2024): 127–76, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-4>

Введение

Исследователи революционного народничества первой половины 1870-х гг. описывают движение с двух крайних позиций: либо как историю революционной организации¹, либо как молодежную суб-/контркультуру, набор идей и практик, который создал «особое *настроение* (Курсив наш. – Ю. С.), захватившее самые широкие слои образованного общества»². В недавней книге «Перепись народников» Л.Я. Лурье объединил эти два подхода, выделив на основе анализа автобиографий народников две стадии в жизни представителей «поколения семидесятников»: общий контекст взросления в реформированной системе среднего образования 1860-х гг. превратил «большую часть сверстников, родившихся на рубеже 40–50-х гг.», в когорту людей, обладавших «общими чертами». Однако «сверстнической группой» они стали в университетских городах, где постепенно из землячеств выросли кружки самообразования, а затем – революционные организации³.

Большее внимание исследователей к кружкам и организациям, существовавшим в больших городах, откуда молодые люди в 1874 г. отправились «в народ», можно объяснить состоянием источников. Поскольку в основе историографии народничества лежат материалы органов политического дознания, гораздо лучше задокументирована та стадия эволюции революционного движения, которая конвертировалась в уголовный процесс⁴. Более ранняя и «невинная» фаза его существования была недоступна оптике политической полиции. В связи с этим в тени остается предшествующий учебе в высшем учебном заведении и вхождению в революционные кружки этап биографии семидесятников, предопределивший их отъезд в университетские города из губернских центров. Для понимания начального этапа развития народнического движения необходимо обратиться к анализу слабоструктурированных сообществ учеников средних учебных заведений

¹ Троицкий Н.А. Первые из блестящей плеяды (Большое общество пропаганды 1871–1874 гг.). Саратов: Издательство Саратовского университета, 1991.

² Щербакова Е.И. «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е годы XIX века). Москва: Новый Хронограф, 2008. С. 98.

³ Лурье Л.Я. Перепись народников. От Нечаева до Дегаева. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2022. С. 88–91.

⁴ Рубцов А.А. Антиправительственное движение 1860–1870-х годов и деятельность органов политического дознания в Российской империи (законодательные нормы и следственная практика): дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2023.

начала 1870-х гг., основу которых составляло внеучебное чтение с целью самообразования⁵.

Основная часть

В статье рассматриваются связи учеников Архангельской духовной семинарии на коротком отрезке 1870/71–1871/72 учебных годов. В этом случае нет оснований говорить о существовании кружка, т.е. группы единомышленников, на протяжении длительного времени целенаправленно занимавшихся самообразованием и при этом отделявших себя от других учеников. Скорее мы имеем дело с сообществом, которое формировалось вокруг чтения книг вне образовательной программы и включало учеников разных классов, выпускников, а также лиц, не принадлежавших к учебному заведению. Подобное чтение лишь отчасти было рациональным, т.е. служило задаче подготовки к поступлению в высшее учебное заведение. В гораздо большей степени оно подчинялось задаче самовоспитания, радикально сформулированной в переписке семинаристов: «Стараться быть не зверем, а человеком, а для этого подняться на высоту мысли»⁶. Представления о том, какого рода литература может способствовать самовоспитанию, были довольно размытыми, а круг чтения – широким. Так, в списке книг, отобранных помощником инспектора Н.В. Кубинцевым у архангельских семинаристов, были не только сочинения Н.А. Добролюбова, В.Г. Белинского, Д.И. Писарева, Н.В. Шелгунова или учебники по физике и биологии, но также романы Гектора Мало и Эмиля Золя⁷.

Важно подчеркнуть, что само по себе внеклассное чтение светской литературы не только не было под запретом в семинариях, но, напротив, составляло важную часть реформы духовного образования 1867 г. Нереализованная версия устава, разработанная в 1862 г., требовала приучать юношей «строго обсуживать прочитанное», примером чему должны были служить разборы в классе «по началам здравой критики» (§ 240)⁸. Председатель комитета, готовившего устав 1862 г., архиепископ Херсонский Дмитрий

⁵ Leibov R., Vdovin A. What and How Russian Students Read in School, 1840–1917 // Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia. Vol. 2 / edited by D. Rebacchini, R. Vassena. Milano: Ledizioni, 2020. P. 259–316.

⁶ Шмаков Я. – Нахорову В.А., 20 декабря 1871 // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 112. Оп. 2. Д. 1685. Л. 1.

⁷ Журнал педагогического собрания правления Архангельской духовной семинарии, 28 января 1875 // Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 73. Оп. 1. Д. 438. Л. 216–216 об.

⁸ Свод уставов и проектов уставов духовных семинарий 1808–1814, 1862, 1867, 1884 и 1896 гг. Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1908. Ст. 157.

(Муретов) даже предлагал ввести в семинариях обязательные «литературные собрания», целью которых было бы чтение «печатных литературных произведений, стихотворных и прозаических»⁹. Таким образом, объединение семинаристов на почве коллективного чтения в начале 1860-х гг. виделось реформаторам хорошим педагогическим приемом.

В уставе 1867 г. все идеи по организации внеклассного чтения были сведены в § 135 до требования «поощрять» чтение учениками «полезных книг под руководством учителей»¹⁰. Литературные кружки и рукописные журналы семинаристов, созданные в первые пореформенные годы с разрешения учителей, систематически упразднялись ревизорами Учебного комитета Синода¹¹. 18 апреля 1871 г. циркулярно были запрещены литературно-музыкальные вечера¹². Новый устав предполагал, что внеклассное чтение должно быть контролируемым, индивидуальным и строго дозированным.

В 1870 г. ревизор С.В. Керский, обозревавший Архангельскую духовную семинарию, сделал выписки из комнатного журнала, в котором «старшие» из числа учеников записывали хорошие и дурные поступки товарищей. Хотя он отметил среди «дурных» две записи: «П. в продолжение всего дня читал историю Бокля», «Вахромеев занимается больше чтением книг, нежели приготовлением лекций», привлекла его внимание «хорошая рекомендация»¹³. Ситуация показалась ревизору настолько важной, что он включил ее в печатную версию отчета, которая рассылалась по всем духовным учебным заведениям: «К. и В. занимаются чтением полезных книг, особенно последний, не только часы, данные для занятий, но и время, назначенное для прогулок и отдыха, употребляют на это доброе дело». В записи не было указано, какие именно книги читали семинаристы, но даже чтение Г.Т. Бокля не обеспокоило Керского в той же мере. Ревизора волновал вред, наносимый неумеренным чтением здоровью воспитанников, а не его гипотетическое влияние на академические успехи или нравственность. В результате он предписал начальству семинарии: «бдительно наблюдать, чтобы в часы отдыха никто из

⁹ Донесение Святейшему правительствующему синоду архиепископа Херсонского Дмитрия // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 573. Оп. 1. Д. А1/82. Л. 92 об. Я благодарю К.В. Ваничеву, указавшую мне этот источник.

¹⁰ Устав православных духовных семинарий. Санкт-Петербург: [б. и.], 1867. С. 29.

¹¹ *Зинченко И.К.* Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Харьковской епархии (1874 г.). Санкт-Петербург: [б. и.], 1875. С. 9.

¹² О воспрещении устройства в духовно-учебных заведениях концертов, спектаклей, чтений и других публичных собраний, 18 апреля 1871 // ГААО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 433. Л. 112.

¹³ Материалы к отчету о ревизии Архангельской духовной семинарии, 1870 // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 802. Оп. 17. Д. 38. Л. 49 об.

воспитанников не уклонялся совершенно от тех или других занятий, необходимых для обновления и укрепления физических сил»¹⁴.

Эти требования были буквально учтены в «Правилах для поведения учеников Архангельской семинарии». Отпечатанные в типографии, они были розданы ученикам осенью 1871 г. и стали определять их жизнь. Как писал в корреспонденции для газеты «Новое время» А.С. Пругавин, семинаристы

весь день <...> заняты: лекциями, приготовлениями к лекциям, молитвами, пением, гимнастикой, обязательным отдыхом, так что *менее получаса* (Курсив А. Пругавина. – Ю. С.) остается ежедневно «на полезные занятия по выбору самих учеников», например чтение»¹⁵.

Ужесточение контроля ощущалось семинаристами как возвращение к дореформенным порядкам: «Чуть ли бурса, придавленная новой дисциплиной, не входит в свои права времен Помяловского»¹⁶.

Противоречивые указания Петербурга, с одной стороны, требовавшего организовать внеклассное чтение, а с другой, – ограничивать и строго контролировать его, сделали обращение духовных воспитанников с книгой причиной постоянных конфликтов¹⁷. Сохранять индивидуальный характер чтения и не допускать неподконтрольного учителям обсуждения прочитанного было особенно сложно в силу условий проживания семинаристов. Архангельская семинария принадлежала к числу немногочисленных, в 1870/71 уч.г. в ней было всего 90 учеников на 12 учителей¹⁸. Ее особенностью было редкое для духовных учебных заведений компактное проживание воспитанников, включая своекоштных, в семинарском общежитии. В январе 1870 г. в семинарии жили 84 воспитанника, 9 чел. – в домах родителей, трое – у ближайших родственников и трое – на наемных квартирах¹⁹. Из-за дальности расстояний многие ученики оставались на рождественские и пасхальные

¹⁴ Керский С.В. Преобразование духовно-учебных заведений Архангельской епархии (в 1870 г.). Санкт-Петербург: [б. и.], 1870. С. 64.

¹⁵ Пругавин А. Архангельск. 2 февраля 1872 // Новое время. 1872. № 40. С. 3.

¹⁶ Титов А.С. – Нахорову В.А., 12 апреля 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1683. Л. 9–9 об.

¹⁷ Подробно о конфликтах в Архангельской духовной семинарии см.: Сафронова Ю.А. Самообразование vs внеклассное чтение: светская литература в православных духовных семинариях после реформы 1867 г. // Антропологический форум. 2023. № 57. С. 61–85. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-57-61-85>

¹⁸ Сушко А.В. Духовные семинарии в пореформенной России (1861–1884 гг.). Санкт-Петербург: СПбГМА им. И.И. Мечникова, 2010. С. 82, 160.

¹⁹ Керский С.В. Преобразование духовно-учебных заведений Архангельской епархии (в 1870 г.). С. 53.

каникулы в Архангельске, навещая родителей только летом²⁰. Такие условия способствовали тесному общению учеников, в том числе учившихся в разных классах. Свободное время семинаристы могли проводить в семинарском саду, в библиотеке или в одной из восьми спален²¹. В результате обычной была дружба учеников 5-го и 1-го классов, между которыми могло быть пять и более лет разницы, причем старший товарищ выступал в роли наставника для младшего. Стиль таких отношений упоминал семинарист Петр Иванов в письме выпускнику Василию Нахорову:

Помнишь, бывало в первый год постоянно говаривал мне «умная голова» или в этом роде. Ну а я, неопытный мальчишка, и воображал, что я дескать в самом деле умная голова, хотя в сущности-то б[ыл] почти пустая голова²².

Именно благодаря переписке Василия Андреевича Нахорова, сына священника из Шенкурского уезда, окончившего полный курс обучения в июне 1871 г., возможно восстановить отношения учеников Архангельской духовной семинарии, сложившиеся вокруг чтения с целью самообразования. 26 писем за 1871–1872 гг. были изъяты жандармами при обыске в октябре 1874 г. в общежитии Санкт-Петербургской духовной академии, где в тот момент учился Нахоров²³. Среди корреспондентов были 6 учеников Архангельской духовной семинарии: один ученик 5-го класса, три ученика 3-го класса и два – 2-го класса. Нахорову также писал выпускник семинарии Андрей Титов, уволившийся летом 1871 г. после 4 класса и служивший чиновником в Вельском уезде Вологодской губернии.

Корреспонденты Нахорова упоминали в письмах несколько десятков человек, которых объединяло стремление к самообразованию и намерение учиться в Петербурге, а также тех, кто им противостоял – не только учителей, но и других воспитанников. В переписке содержится информация о ситуации 1871/72 уч. г., но также припоминаются события предшествующих двух лет. По контрасту с мрачным настоящим более ранние годы описывались как героическая эпоха. Регулярно получавший сведения о положении дел в *alma mater* Андрей Титов сетовал весной 1872 г.: семинария «из прогрессивно-революционной делается консервативной. Ужели же начинает потухать яркая звезда, которая так

²⁰ Материалы к отчету о ревизии Архангельской духовной семинарии, 1870 // РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 38. Л. 273.

²¹ Там же. Л. 75–75 об.

²² Иванов П.А. – Нахорову В.А., 15 января 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 7 об.

²³ Представление митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского обер-прокурору Синода, 19 октября 1874 // РГИА. Ф. 797. Оп. 44. Д. 61. Л. 1–1 об.

заблистала над ней?»²⁴ По-видимому, «революционное» состояние семинарии не было результатом усилий только воспитанников, но в какой-то мере поддерживалось преподавателями. Так, в апреле 1871 г. ученикам 6 класса среди 25 тем курсовых сочинений была предложена полемическая тема «Современное материалистическое мировоззрение перед светом Христианского учения», подразумевавшая близкое знакомство выпускников с материалистическими теориями²⁵.

Результатом героической эпохи стал массовый выход из семинарии для поступления в светские высшие учебные заведения весной 1871 г. как окончивших общеобразовательный курс, так и выпускников богословского. В мае 1871 г. педагогическое собрание констатировало, что из 11 учеников 6-го класса «пять лучших и более способных» не изъявили желания продолжить духовное образование, причем трое сообщили о намерении поступать в Санкт-Петербургский университет и Медико-хирургическую академию²⁶. 13 июня 1871 г. четверо выпускников 4-го класса подали прошения об увольнении из семинарии для поступления в высшие учебные заведения²⁷. Сам Василий Нахоров, отправившийся покорять столицу вместе с однокашниками, был вынужден поступить в Санкт-Петербургскую духовную академию²⁸. Своим архангельским приятелям он смог признаться в провале только в октябре письмом, написанным «тоном человека, который потерял надежду на возможность удовлетворения своего плана, считает себя погибшим безвозвратно»²⁹. Получив это известие, Петр Иванов писал:

Неужели от поступления туда (в академию. – Ю. С.) все твои благородные убеждения переменишь? Я нисколько этого не думаю, ведь и из Медицинской Академии и Университета можно выйти подлецом. Только главное не унывай и не теряй энергии. И кроме того, не всяк же способен абсолютно отдаться идее³⁰.

Дальнейшая судьба Василия Нахорова по-своему показательна. «Идеальные стремления» и обширная переписка сомнительного содержания были известны в

²⁴ Титов А.С. – Нахорову В.А., 12 апреля 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1683. Л. 9 об.

²⁵ Предложения ученикам 6 класса для курсовых сочинений, 1 апреля 1871 // ГААО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 445. Л. 98 об.

²⁶ Журнал педагогического собрания правления Архангельской духовной семинарии, 14 мая 1871 // ГААО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 445. Л. 144.

²⁷ Там же. Л. 168.

²⁸ О злключениях Нахорова в столице см.: *Пругавин А.* Архангельск. 2 февраля 1872 // Новое время. 1872. № 40. С. 3.

²⁹ Соловьев А.Ф. – Нахорову В.А., 17 октября 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1681. Л. 1.

³⁰ Иванов П.А. – Нахорову В.А., 9 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 4 об.

Архангельске. Уже в декабре 1871 г. ученик 5 класса Алексей Колчин просил Нахорова писать «поскромнее насчет ректора»³¹. В апреле 1872 г. письмо Нахорова, содержащее «мысли преступные против государства и антирелигиозные», было найдено помощником инспектора Н.В. Кубинцевым у второклассника Аркадия Соловьева³². Хотя инспекция провела ряд обысков и предприняла меры, чтобы пресечь переписку, обсуждение этого казуса не попало в журналы педагогического собрания за 1872 г.³³ Более того, архангельские учителя предпочли скрыть деятельность Нахорова от своих коллег из Петербурга. 10 июня 1872 г. исполняющий должность инспектора Е.В. Шуйский написал выпускнику письмо с вопросом, справедливо ли указание Петра Иванова, что он списал сочинение Л. Бюхнера «Сила и материя» с экземпляра, оставленного Нахоровым. Интересна в этом случае аргументация правления, по решению которого наводил справки инспектор: оно обратилось напрямую

...в видах сокращения времени и могущих представиться неудобств для вас (Нахорова. – Ю. С.) давать эти разъяснения непосредственно г. ректору академии³⁴.

Очевидно, в письме содержится угроза обратиться к академическому начальству, однако само по себе решение правления сделать факт распространения «запрещенного» сочинения внутренним делом архангелогородцев показательным. Огласка была не нужна не только Нахорову, но и его бывшим учителям, так как циркуляр Синода от 5 сентября 1864 г. возлагал на них ответственность за отправку в академию неблагонадежных выпускников³⁵.

Василий Нахоров не вызывал никаких нареканий у петербургских преподавателей. Ректор духовной академии свидетельствовал митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому, что поведение студента «не дает ни малейшего повода сомневаться в его политической благонадежности»³⁶. 10 октября 1874 г. в академии был произведен обыск по делу о пропаганде в империи, но уже 26 октября III Отделение на запрос обер-прокурора Синода

³¹ Колчин А.И. – Нахорову В.А., 18 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1677. Л. 2 об.

³² Соловьев А.Ф. – Нахорову В.А., 15 июня 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1681. Л. 2.

³³ Журналы педагогических собраний правления семинарии, 1872 // ГААО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 451.

³⁴ Е.Н. Шуйский – В.А. Нахорову, 10 июня 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1686. Л. 1–1 об.

³⁵ Журнал педагогического собрания правления Архангельской духовной семинарии, 14 мая 1871 // ГААО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 445. Л. 144 об.

³⁶ Представление митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского обер-прокурору Синода, 19 октября 1874 // РГИА. Ф. 797. Оп. 44. Д. 61. Л. 1 об.

сообщило: Нахоров «оказался невиновным»³⁷. Это позволило ему окончить курс и 17 июля 1875 г. поступить на службу в Архангельскую духовную семинарию уже в качестве преподавателя³⁸. Карьера Нахорова свидетельствует, что вовлечение в революционное движение не было дорогой без возврата, как и арест по подозрению в политической неблагонадежности.

Вернемся в 1871/72 учебный год. Сеть, сложившаяся в Архангельской семинарии вокруг чтения книг, была проанализирована с помощью инструмента сетевого анализа и визуализации данных Gephi. В анализ были включены 30 человек: 8 корреспондентов В.А. Нахорова, а также упомянутые в переписке третьи лица, если они а) были вовлечены в чтение или передачу книг; б) получали или стремились получить высшее образование. При этом учитывались коллективные письма, передача приветов Нахорову, а также просьбы и приветы через него к другим выпускникам, проживавшим в Петербурге. В анализ не были включены упоминания других типов отношений, например, конкуренции за стипендиальное место³⁹.

Результаты анализа представлены на рис. 1.

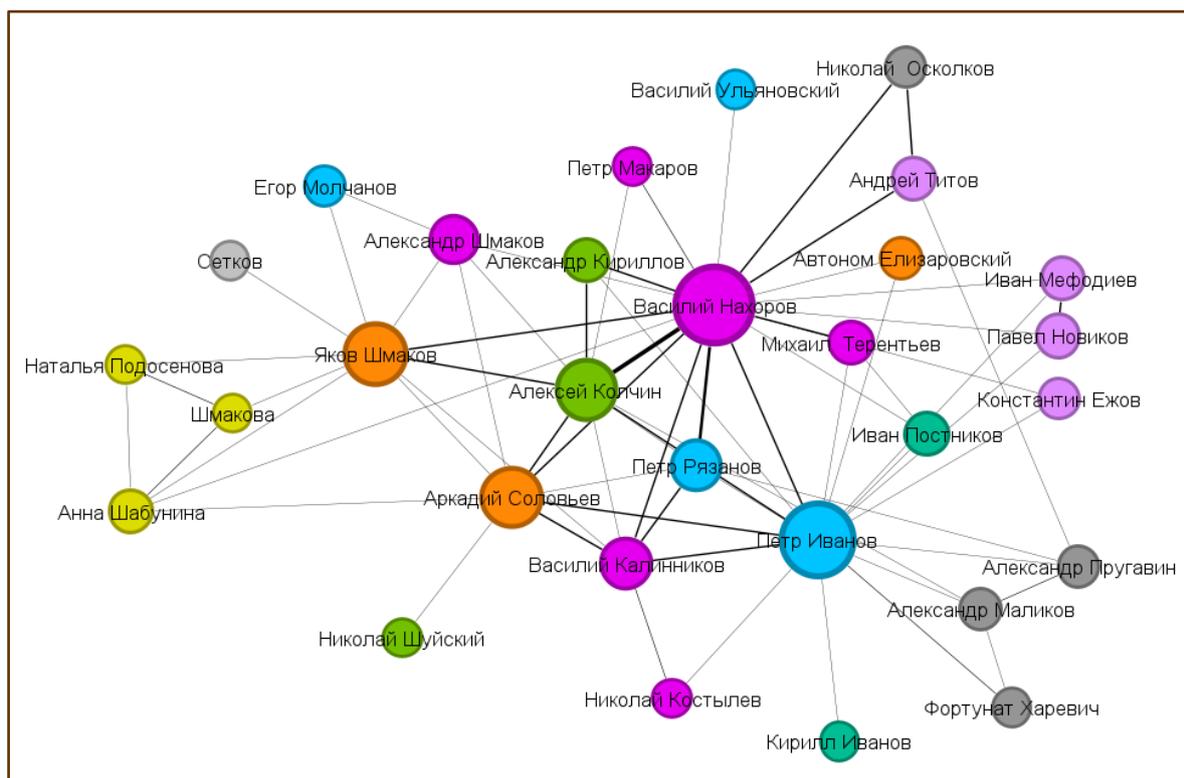

Рис. 1. Сеть корреспондентов В.А. Нахорова

³⁷ Отношение товарища главного начальника III отделения обер-прокурору Синода, 26 октября 1874 // РГИА. Ф. 797. Оп. 44. Д. 61. Л. 4.

³⁸ Формулярный список о службе преподавателя Архангельской духовной семинарии Василия Нахорова, 1876 // ГААО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 482. Л. 330 об.

³⁹ Иванов П.А. – Нахорову В.А., 13 октября 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 3 об.

Важной особенностью сети является, с одной стороны, многочисленность связей семинаристов за пределами учебного заведения, а с другой – ее замкнутость внутри духовного сословия. Серым цветом на графе обозначены пять человек, не принадлежавших к духовному сословию, трое из которых – политические ссыльные. А.К. Маликов и Ф.Ф. Харевич осенью-зимой 1871 г. предоставляли семинаристам доступ к книгам публичной библиотеки, в которой служили⁴⁰. Оба были сосланы в Архангельск в первой половине 1860-х гг.: первый – по делу ишутинцев, второй – как участник польского восстания 1863–1864 гг. Петр Иванов писал о существовании «кружка Маликова», в котором прошли два литературных вечера: «не знаю, что там было и говорилось, потому что меня не приглашали»⁴¹. Видимо, в более близких отношениях с этой группой находился Алексей Колчин, про которого в связи с отъездом Маликова в Орел Иванов писал: «...некоторым господам будет особенно невыносимо, как например Алексею Ивановичу [Колчину]»⁴². Входивший в «кружок Маликова» Александр Пругавин, сын смотрителя народных училищ Архангельской губернии, был выслан на родину по делу нечаевцев в апреле 1871 г. Архангельский губернатор сообщал, что Пругавин приобрел влияние на местную молодежь, «как в гимназии, так и в семинарии»⁴³. По-видимому, о Пругавине Иванов писал: «К Ал. П. также некоторые ходят, но жаль я никак не могу познакомиться»⁴⁴.

Ректор семинарии архимандрит Донат (Бабин-Соколов) утверждал, что главным источником вредного влияния на его воспитанников был город вообще и публичная библиотека в частности⁴⁵, а потому «кружок Маликова» едва ли был единственным или главным фактором формирования сообщества читателей. Открытие свободного доступа к публичной библиотеке и активная деятельность А.С. Пругавина относятся к осени 1871 г., т.е. они не затронули когорту выпускников 1871 г., к которой принадлежал Нахоров и с которой поддерживали отношения оставшиеся в Архангельске семинаристы. Дружба с Нахоровым началась для Петра Иванова в первом классе, т.е. в 1869/70 уч.г.,

⁴⁰ Иванов П.А. – Нахорову В.А., 13 октября 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 3 об. Об А.К. Маликове см.: Соловьев К.А. «Я сказал: вы – боги...»: религиозное течение в освободительном движении 70-х гг. XIX в. в России («богочеловечество»). Москва: Книжный перекресток, 2012.

⁴¹ Иванов П.А. – Нахорову В.А., 9 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 5.

⁴² Там же.

⁴³ Отношение Архангельского губернатора министру внутренних дел, 13 марта 1872 (отпуск) // ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 2189. Л. 68.

⁴⁴ Иванов П.А. – Нахорову В.А., 9 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 5.

⁴⁵ Отчет о состоянии Архангельской Духовной семинарии за 1873/74 учебный год // РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 1. Л. 265.

уже тогда она включала рекомендацию книг и их обсуждение⁴⁶. Возможно, такое влияние Нахоров мог получить, поскольку имел отношение к заведованию библиотекой. Имеется не совсем ясное указание, что ректор был недоволен выпускником «...за беспорядок в училищ[ной] библиотеке и в особенности за то, что там не достает много книг, напр[имер] за собрания, так какая-то из книг не оказалась»⁴⁷.

Незначительное число контактов духовных юношей со светской средой можно объяснить сословными барьерами, продолжавшими разделять молодежь губернского города⁴⁸. А.С. Пругавин привел статистику по количеству учеников в учебных заведениях Архангельска на начало 1872 года: мужская гимназия – 129, женская – 140, духовная семинария – 83, уездное училище – 102, духовное уездное училище – 170, женское духовное училище – 45, немецкое евангелическое училище – 70 учащихся⁴⁹. Несмотря на такое разнообразие, связи семинаристов в светских учебных заведениях не прослеживаются, за исключением единственного случая – отношений ученика 2-го класса Якова Шмакова и гимназиста 7-го класса Сеткова, которые познакомились в апреле 1871 г. Сама возможность знакомства объяснялась Шмаковым положением гимназиста, жившего с матерью на деньги от уроков: «Он имеет отличный характер, не горд, потому что беден». Только нужда уравнивала гимназиста с сыном священника, но именно первый должен был снизойти до общения со вторым, что было эксплицитно высказано Шмаковым: «мы оба бедные и он демократ»⁵⁰.

Осенью 1871 г. Сетков попросил у Шмакова помощи: поскольку архангельская мужская гимназия была реальной, он не знал латинского языка, который был ему нужен для поступления в Медико-хирургическую академию. Семинарист немедленно приступил к урокам, тратя на них свои воскресенья и при этом не беря платы из идейных соображений: «я давно еще решил, что первый труд будет мною совершен даром»⁵¹. Этот эпизод показывает, что в провинциальном городе даже очень узкой группе юношей, разделявших общие взгляды, было трудно сойтись вследствие сословных границ, неизбежно определявших и физические границы.

⁴⁶ П.А. Иванов – В.А. Нахорову, 5 июля 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 1 об.

⁴⁷ Соловьев А.Ф. – Нахорову В.А., 17 октября 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1681. Л. 1 об.

⁴⁸ См.: *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / перевод с английского А.Ю. Полунова. Москва: Новое литературное обозрение, 2015. С. 65–75.

⁴⁹ Пругавин А. Архангельск. 2 февраля 1872 // Новое время. 1872. № 40. С. 3.

⁵⁰ Шмаков Я. – Нахорову В.А., 20 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1685. Л. 1 об.–2.

⁵¹ Там же. Л. 2.

Главным контрагентом для семинаристов были не гимназисты, а ученики других духовных учебных заведений – мужского и женского духовных училищ, в которых учились их братья и сестры и преподавали недавние выпускники. Петр Иванов писал в январе 1872 г.: «Только еще в училище есть несколько добрых голов, да туда ходить можно редко»⁵². Одноклассник Нахорова Константин Ежов осенью 1871 г. поступил на службу в Архангельское духовное училище в качестве преподавателя арифметики и географии⁵³. Новый статус не помешал ему стать посредником между выпускником и семинаристами, когда инспекция начала вскрывать письма. Тогда же, в январе 1872 г., Петр Иванов просил: «... только прямо на мое имя письмо не адресуй, а хотя на К. Алек. Ежова»⁵⁴.

Интерес представляет и просветительская миссия Якова Шмакова в женском епархиальном училище. 20 декабря 1871 г. Шмаков писал Нахорову, что после прочтения романа И.В. Омулевского «Светлов»⁵⁵, он решил «помочь человеку», вследствие чего в сентябре 1871 г. «явился в училище с книгой из публичной библиотеки, предложил читать – итак я начал с сестры, потом стали читать Н. Подосенова, Шабунина и проч[ие]»⁵⁶. В этом случае в общении с семинаристом были вовлечены преподавательницы – помощница начальницы училища Наталья Подосенова и учительница чистописания Анна Шабунина⁵⁷. В оправдание своего предприятия Шмаков приводил слова В.Г. Белинского, что читающий хотя бы «Еруслана Лазаревича» «вдвое будет знать тех, кто ничего не читает»⁵⁸.

Шмаков также передавал через Нахорова привет выпускнику Василию Калининскому и сообщал о том, что «Любку его гонят из училища»⁵⁹, но идет ли речь о сестре или о знакомой юноши, не ясно. Василий Нахоров сам был

⁵² П.А. Иванов – В.А. Нахорову, 15 января 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 9 об.

⁵³ Григорьевский М.Х. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Архангельской епархии (1875 года). Санкт-Петербург: [б. и.], 1876. С. 42. Адрес-календарь Архангельской губернии на 1877 год. Архангельск: Губернская типография, 1877. С. 17.

⁵⁴ П.А. Иванов – В.А. Нахорову, 15 января 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 9 об.

⁵⁵ «Светлов, его взгляды, его жизнь и деятельность» – название отдельного издания романа «Шаг за шагом» (1871). Подробно о литературе о «новых людях» см.: *Ильясова Л.Р.* Идеиные искания русской разночинной интеллигенции в отражении литературы о «новых людях» рубежа 60–70-х годов XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История, История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 96. С. 44–61. <https://doi.org/10.15382/sturII202096.44-61>

⁵⁶ Шмаков Я. – Нахорову В.А., 20 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1681. Л. 1 об.

⁵⁷ Адрес-календарь Архангельской губернии на 1872 год. Архангельск: Губернская типография, 1872. С. 41–42.

⁵⁸ Шмаков Я. – Нахорову В.А., 20 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1685. Л. 1 об.

⁵⁹ Там же. Л. 1 об.

знаком с А.Е. Шабуниной, он пытался получить какую-то информацию о ней через Аркадия Соловьева в октябре 1871 г.⁶⁰, тогда как письмо о «проказах» Шмакова в училище было написано 20 декабря.

Вероятно, не все отношения семинаристов с епархиалками основывались на желании «помочь несчастному положению», так как сам Шмаков просил не подозревать его в худых намерениях и добавлял, что «отстал от романчиков»⁶¹. О том, что среди семинаристов царило не только братское или товарищеское отношение к женщинам, можно заключить из письма Алексея Колчина, в котором он передавал привет «детям Эскулапа», воображал своего бывшего одноклассника Петра Макарова на «Невском с камелиею» и спрашивал Нахорова о его собственных успехах «в деле невско-камелио-подпольных витаний»⁶².

Контакты группы семинаристов со ссыльными или с епархиалками были теми связями, которые размыкали замкнутый мир бурсы, где знакомства вроде отношений Якова Шмакова с гимназистом Сетковым были единичными и доступными скорее ученикам, проживавшим в городе⁶³. Основу описываемой сети все-таки составляли выпускники (10 человек) и воспитанники (12 человек) семинарии, связи между которыми были многообразными и плотными.

Лиловым цветом на рис. 1. обозначены 10 выпускников, 6 из которых проживали в Петербурге (обозначены ярко-лиловым) и поддерживали связи друг с другом и с оставшимися в Архангельске знакомыми. В отчете С.В. Керского приведены данные о поступлениях выпускников Архангельской семинарии в высшие учебные заведения за 1867–1869 гг. Из него следует, что к 1870 г. в Санкт-Петербурге находились семь человек (четверо в духовной академии и трое в университете) и еще двое учились в Московском университете⁶⁴. При этом 5 из 6 выпускников, включенных в анализируемую сеть, – выпускники 1871 г., что может свидетельствовать о принципиальном отличии этой группы от предшествующей когорты учеников. Единственное исключение составляет Михаил Терентьев, учившийся в Санкт-Петербургской духовной академии на два курса старше Нахорова, которому передавал привет через Иванова ученик 4 класса Иван Постников⁶⁵.

⁶⁰ Соловьев А.Ф. – Нахорову В.А., 17 октября 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1681. Л. 1 об.

⁶¹ Шмаков Я. – Нахорову В.А., 20 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1685. Л. 1 об.

⁶² Колчин А.И. – Нахорову В.А., 18 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1677. Л. 2.

⁶³ Я. Шмаков отсутствует в списке учеников, родители которых проживают вне Архангельска (Материалы к отчету о ревизии Архангельской духовной семинарии, 1870 // РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 38. Л. 273–275 об.).

⁶⁴ Там же. Л. 274.

⁶⁵ Иванов П.А. – Нахорову В.А., 15 января 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 7 об.

Главным отличием выпускников 1871 г. был выбор в качестве учебного заведения не университета, а Медико-хирургической академии. По-видимому, это был первый случай, так как Петр Иванов в октябре 1871 г. спрашивал: «...можно ли с семинарским документом попасть в Медицинскую Ак[адемию]. Здесь носится слух, что нельзя, Калинин и Костылев попали благодаря только протекции»⁶⁶. Переписка семинаристов по поводу поступления в академию была сосредоточена вокруг вышедшего из семинарии после 4 класса Василия Калинникова⁶⁷, в то время как одноклассник Нахорова Николай Костылев⁶⁸ упоминается один раз в процитированном письме Иванова. Возможно, это связано с тем, что уроженец Шенкурского уезда Калинин во время учебы проживал в бурсе, оставаясь там и на каникулы⁶⁹, а Николай Костылев – в доме своего отца⁷⁰. В результате он был в гораздо меньшей степени включен в отношения внутри семинарского общежития.

Положение Костылева можно сравнить с положением Николая Шуйского, племянника инспектора семинарии Е.Н. Шуйского, проживавшего на его квартире. Лучший ученик 5-го класса собрался поступать в медицинскую академию, получив обещание финансовой поддержки от дяди. В июне 1872 г. Е.Н. Шуйский внезапно передумал, узнав от родственницы про

...студентов университета и медицинской академии, какие они безбожники, распустились. <...> Ну после этого Евг[ений] Ник[олаевич] считает за грех давать средства Николаю для поступления в такое заведение⁷¹.

⁶⁶ Иванов П.А. – Нахорову В.А., 13 октября 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 3 об.

⁶⁷ Умер в Петербурге между 6 мая и 15 июня 1872 г. Аркадий Соловьев писал: «Калинникова у нас очень жалели. Провели по нем тризну у креста, где вспоминались все его добрые дела» (Соловьев А.Ф. – Нахорову В.А., 15 июня 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1681. Л. 3).

⁶⁸ Обыскан в декабре 1874 г. по подозрению в политической неблагонадежности (Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь: от предшественников декабристов до падения царизма / под редакцией Ф. Кона и др. Т. 2. Семидесятые годы, вып. 2: Ж–Л / составители А.А. Шилов, М.Г. Карнаухова. Москва: Всесоюзное общество каторжан и ссыльно-поселенцев, 1930. Ст. 663).

⁶⁹ Материалы к отчету о ревизии Архангельской духовной семинарии, 1870 // РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 38. Л. 273 об.

⁷⁰ Поскольку во всех документах семинаристы указаны без отчества, Николай Костылев может быть либо сыном настоятеля Благовещенского собора Г.Ф. Костылева, либо столоначальника духовной консистории И.Е. Костылева (Адрес-календарь Архангельской губернии на 1872 г. С. 11, 48).

⁷¹ Соловьев А.Ф. – Нахорову В.А., 15 июня 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1681. Л. 3.

В этом случае важны даже не отношения дяди и племянника, а то, что Николай Шуйский не фигурирует в письмах учеников, совместно готовившихся к поступлению в академию. Он упомянут только в письме Аркадия Соловьева, родственника ректора и его младшего брата И.И. Соколова, преподавателя гражданской истории. Соловьев жил в квартире ректора, что ставило его в привилегированное положение, так как к нему обращались за новостями из учительской⁷². С другой стороны, надзор за ним был гораздо строже. В конце 1871 г. ему было запрещено общаться с Ивановым как с «крайне подозрительной личностью», так что последний жаловался на одиночество: «...Аркадий-то тоже залетная птица в наши Палестины, и только большей частью после обеда и после ужина на несколько часов выходило...»⁷³

Из Архангельска отношения уехавших в Петербург казались идеальным братством. Судя по многочисленным приветам, передаваемым через Нахорова, семинаристы полагали, что все выпускники поддерживают тесные контакты между собой. Схожее представление о них как о единой группе сложилось у бывшего инспектора семинарии игумена Алексия. По словам Аркадия Соловьева, по возвращении из столицы тот рассказывал ректору «про вас – Архангельцев Петербургских. Как например Шмаков и другие вели себя на похоронах Калининкова»⁷⁴. Между тем, отношения Нахорова с остальными выпускниками, по-видимому, были неровными вследствие более низкого статуса студента духовной академии по сравнению с теми, кто поступил в медицинскую. В декабре 1871 г. Нахоров отправил Колчину письмо с идеей создания кассы взаимопомощи «...с целью помогать беднякам студентам архангельцам». Реакция на этот проект внутри семинарии была разная, поскольку, он конкурировал как с другими коллективными тратами, например, с выпиской журналов вскладчину, так и с личными планами учеников, копивших деньги на жизнь в столице⁷⁵. Предполагаемое отношение петербуржцев также было неоднозначным: «ужели госп[один] Калининков эту мысль выслушает со смехом?» – спрашивал Яков Шмаков⁷⁶.

В отсутствие более точных сведений о характере взаимоотношений внутри архангельского землячества в Петербурге мы можем попытаться проследить,

⁷² «Вы желаете знать, как думает об Вас наш Отец. На это положительно ничего не могу сказать, так как в этом отношении он очень осторожен...», – писал Соловьев на запрос Нахорова (Соловьев А.Ф. – Нахорову В.А., 17 октября 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1681. Л. 1 об.

⁷³ П.А. Иванов – В.А. Нахорову, б.д. [1872] // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 9 об.

⁷⁴ Соловьев А.Ф. – Нахорову В.А., 15 июня 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1681. Л. 3.

⁷⁵ Иванов П.А. – Нахорову В.А., 15 января 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 6 об.

⁷⁶ Шмаков Я. – Нахорову В.А., 20 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1685. Л. 3.

что связывало группу выпускников 1871 г. до отъезда благодаря письмам Андрея Титова и его коллеги, окружного надзирателя Вельской уездной конторы Николая Порфирьевича Осколкова⁷⁷, в доме которого Титов жил. Прошение об увольнении из семинарии Титов подал в июне 1871 г. вместе с тремя другими учениками, окончившими 4 класс: Василием Калининковым, Петром Макаровым и Иваном Вахромеевым⁷⁸. Первые двое достигли вожделенной цели – стали студентами, о судьбе последнего сведений нет.

Описывая свое «полуживотное» существование в селе Благовещенское, Титов вспоминал «увлечения прошлого», благодаря которым «обольстительно рисовалось будущее красками самой яркой и значительной перспективы»⁷⁹. С его точки зрения, «среда студенчества» и «школьная наука» были равны в благотворном влиянии на развитие человека, в отличие от повседневного прозябания за «маранием бумаг»: «...в сфере моего умишки тоже не возникает никаких серьезных вопросов. Да откуда или вследствие чего им и возникать?» Так для Титова годы учебы в семинарии оказались более способствующими развитию, чем самостоятельная жизнь: «Я даже сам удивляюсь тому, что я был прежде в бурсе, и что я теперь. <...> Вот, право, даже обидно за это становится»⁸⁰.

О безуспешной попытке Титова вырваться из сонной «провинческой» жизни известно из письма Осколкова. Осенью 1871 г. юноша подал прошение на место сельского учителя, но, получив его, отказался из-за материальных расчетов. Осколков комментировал эту эскападу:

...еще мало на Руси людей, которые хотели бы посвятить себя на просвещение невежественной массы и отдать свои силы и ум при худой обстановке жизни. <...> Верно, проводить теорию всегда легче, чем отвечать на нее делом⁸¹.

Решение Титова сменить благоустроенную жизнь на место сельского учителя, очевидно, было продиктовано «стремлениями», сформированными в том семинарском кругу, в котором он вращался до выпуска: «...желал бы я пожертвовать свои силы на более широкое и полезительное поприще».

⁷⁷ Памятная книжка Вологодской губернии на 1873 год / под редакцией Ф.А. Арсеньева. Вологда: Типография Вологодского губернского правления, 1873. С. 14–15.

⁷⁸ Журнал педагогического собрания правления Архангельской духовной семинарии, 13 июня 1871 // ГААО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 445. Л. 168.

⁷⁹ Титов А.С. – Нахорову В.А., 27 ноября 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1683. Л. 1 об.

⁸⁰ Титов А.С. – Нахорову В.А., 12 апреля 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1683. Л. 8 об.

⁸¹ Осколков Н.П. – Нахорову В.А., 2 декабря 1872 // ГАРФ. Ф.112. Оп. 2. Д. 1679. Л. 1 об.–2.

Необходимость выбрать вместо этого сытую жизнь чиновника Титов объяснял «дарвиновской теорией», вписывая добывание средств в «борьбу за существование»⁸².

Взгляды самого Нахорова во время обучения в последних двух классах семинарии можно реконструировать по письмам Петра Иванова. Поворотными в жизни Иванова стали статьи критиков, прочитанные по совету старшего товарища: «...ты меня навел на Писарева и Шелгунова и пр., и дал, так сказать, азбуку к пониманию их»⁸³. Их отношения можно сравнить с восторженным письмом Якова Шмакова, которому Нахоров написал из Петербурга в конце 1871 г. и с которым, по-видимому, в семинарии не поддерживал отношений. «Я рад дружить, тому, что есть люди, которые считают меня за человека, не настоящего, а будущего, и я за это не могу не благодарить вас», – писал второклассник, который был всего на два года младше своего корреспондента. Шмакову Нахоров посоветовал читать Белинского и Шпильгагена, на что получил ответ: «...с Белинским я неразлучен вот уже второй месяц»⁸⁴.

Таким образом, советы Нахорова младшим товарищам не шли дальше круга статей демократических критиков и романов воспитания. По-видимому, уже по своей инициативе Иванов в 1871 г. прочитал «Что делать?» Н.Г. Чернышевского⁸⁵. Единственное упоминание нелегальной литературы во всей корреспонденции Нахорова – это фраза из письма Андрея Титова «в твоём письме не упомянуто ни слова об ассоциациях Лассаля»⁸⁶, которая может относиться не собственно к запрещенному цензурой изданию 1870 г., а к проекту кассы взаимопомощи. При объяснении с жандармами в 1874 г. Нахоров утверждал, что слово «ассоциация» было «употреблено его корреспондентом некстати и относилось к желанию его земляков в Петербурге сообща помогать одному бедному студенту»⁸⁷.

На рис. 2 анализируемая сеть представлена только учениками Архангельской духовной семинарии, к подписям добавлены годы рождения. Узлы обозначены цветом в зависимости от года обучения: оранжевым – 2 класс; голубым – 3 класс; красным – 4 класс; зеленым – 5 класс, этим же цветом обозначены вышедшие после 4 класса выпускники 1871 г.; окончившие полный курс в 1871 г. обозначены лиловым. Отсутствие

⁸² Титов А.С. – Нахорову В.А., 12 апреля 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1683. Л. 9–9 об.

⁸³ Иванов П.А. – Нахорову В.А., 5 июля 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 1 об.

⁸⁴ Шмаков Я. – Нахорову В.А., 20 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1685. Л. 1–2.

⁸⁵ Иванов П.А. – Нахорову В.А., 15 января 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 6 об.

⁸⁶ Титов А.С. – Нахорову В.А., 12 апреля 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1683. Л. 9 об.

⁸⁷ Представление митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского обер-прокурору Синода // РГИА. Ф. 797. Оп. 44. Д. 61. Л. 1 об.

упоминаний учеников 1 класса объяснимо, т.к. они поступили в семинарию осенью 1871 г. и не были знакомы Нахорову. Гораздо интереснее отсутствие учеников 6 класса. Андрей Титов писал о них: «наши 6-курсные совсем обленились и только мечтают о невестах. Дико право!»⁸⁸ Из этого сообщения можно заключить, что ученики 6 класса выбрали рукоположение, обязательным условием которого был брак, т.е. не разделяли интереса к самообразованию. Таким образом, сеть состояла из учеников четырех классов, со второго по пятый, и выпускников.

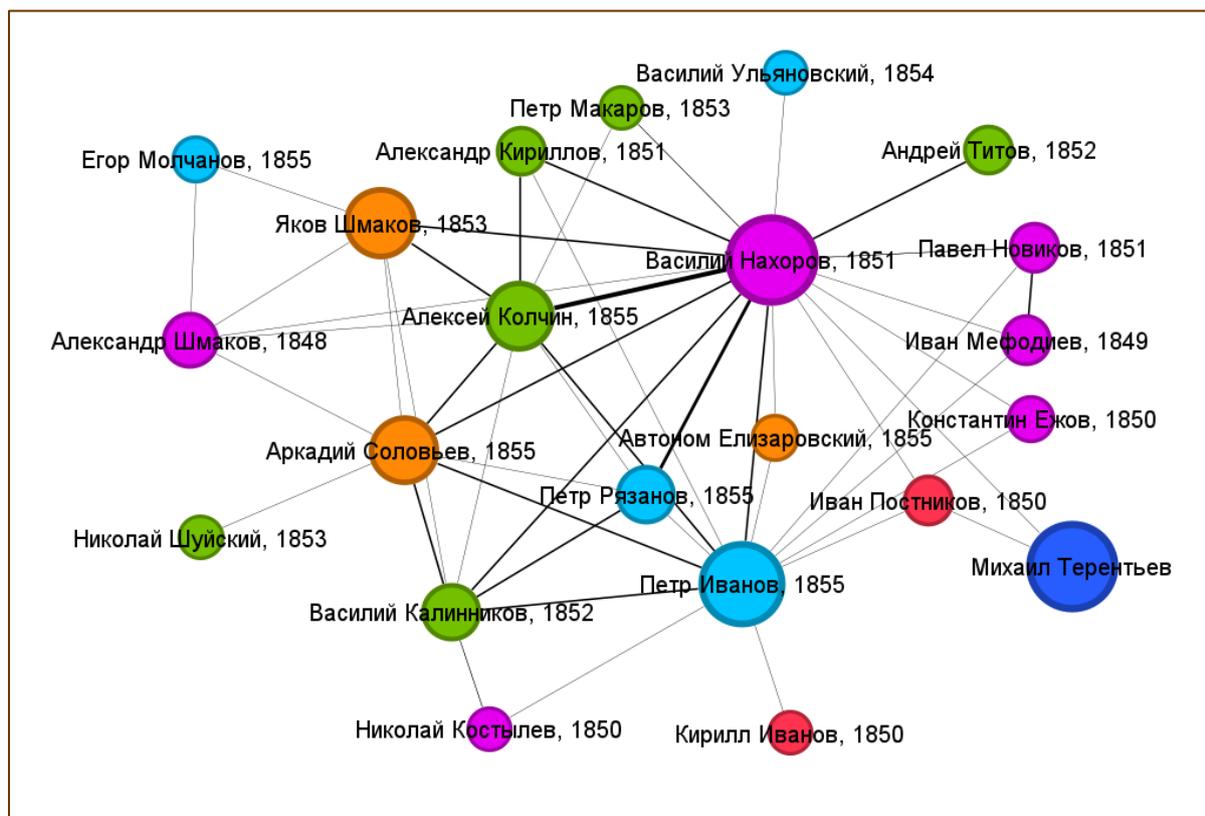

Рис. 2. Сеть учеников Архангельской духовной семинарии

Несмотря на то, что сеть пронизывала большую часть семинарии, ее плотность невелика – всего 0,175 (при условии, что максимальная плотность равна 1). Особенно показательное небольшое количество клик среди одноклассников: корреспонденты Нахорова чаще писали о единомышленниках из других классов и жаловались на соучеников. Исключение составляют пятиклассники Алексей Колчин и Александр Кириллов, которые писали Нахорову вдвоем. Возможно, они были включены в более сплоченную группу, существовавшую в 1870/71 уч. г., большая часть которой оставила семинарию летом. К этой паре примкнул Петр Иванов: в октябре 1871 г. втроем они «начали заниматься по математике и новым

⁸⁸ Титов А.С. – Нахорову В.А., 12 апреля 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1683. Л. 9.

языкам»⁸⁹. Именно Алексею Колчину было адресовано письмо Нахорова с проектом кассы взаимопомощи, которое из его рук читали Петр Иванов («показал мне твое письмо») и Яков Шмаков («прочел вашу мысль, высказанную в письме Великого Алексиса»)⁹⁰.

Третьеклассник Иванов упоминал только одного своего соученика – Петра Рязанова, а также двух второклассников Аркадия Соловьева и Автонома Елизаровского. О конфликте между семинаристами свидетельствует туманное письмо еще одного ученика 3 класса Василия Ульяновского, который 19 января 1872 г. писал о недоразумениях, произошедших до отъезда Нахорова: «...если я что-либо и сделал против вас, то <нрзб.> по неведению, потому что я не знал тогда что вы за человек и какие ваши цели! Но теперь открылись у меня глаза, и я узнал»⁹¹. В письмах других корреспондентов Нахорова Ульяновский не фигурирует. Между тем в 1872 г. ученики 3 класса организовали «стачку» против учителя Н.В. Кубинцева: в феврале они не подали сочинение по логике, а в мае отказались отвечать на уроке. Зачинщиками выступили братья Николай и Александр Камкины, Евгений Тошаков, Яков Дьячков и Василий Ульяновский⁹².

Наиболее близкие отношения Петр Иванов поддерживал с второклассником Аркадием Соловьевым: «...кроме Аркадия и сойтись ни с кем не мог, да, пожалуй, и не желаю»⁹³. Про остальных семинаристов к концу учебного года он сформулировал радикальное мнение:

...семинария – это такой негодный хлам, который не жаль бы всем гуртом сгрузить в Двину (я под семинарией подразумеваю живущих в корпусе). Все это или болваны-пошляки или фразеры-тряпки⁹⁴.

Оно было высказано в недатированном письме, по-видимому, написанном после февральских событий, результатом которых стали запрет на общение с

⁸⁹ Иванов П.А. – Нахорову В.А., 13 октября 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 3 об.

⁹⁰ Иванов П.А. – Нахорову В.А., 15 января 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 6 об.; Шмаков Я. – Нахорову В.А., 20 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1685. Л. 3.

⁹¹ Ульяновский В. – Нахорову В.А., 19 января 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1684. Л. 1–1 об. (Письмо Ульяновского Нахорову В.А. с просьбой написать ему свое впечатление об их общих знакомых по г. Архангельску).

⁹² Григоревский М.Х. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Архангельской епархии (1875 года). С. 28–32.

⁹³ Иванов П.А. – Нахорову В.А., 15 января 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 7 об.

⁹⁴ Иванов П.А. – Нахорову В.А., б.д. [1872] // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 9.

Соловьевым, неудовлетворительная оценка по поведению⁹⁵ и приговор ректора: «против Иванова я самой вакансии поставил знак вопроса»⁹⁶.

В марте 1872 г. Иванов лишился общества Колчина и Рязанова. Решение пятиклассника Колчина не заканчивать курс было обдумано заранее и известно Иванову («Алексей Иванович выходит и даже оч[ень] скоро. И хочет поступать сельским учителем в Пинегу куда-то»)⁹⁷. Сам Колчин в декабре 1871 г. спрашивал у Нахорова,

...много ли мне надо денег на первый раз чтобы кое-как нищенски просуществовать в Питере хотя полгода? И много ли на дорогу потребуется грошиков? И куда по вашим соображениям лучше всего приготовляться? Я думаю за себя в лабораторию эскулапа⁹⁸.

Решение третьеклассника Рязанова выйти из семинарии за полтора года до окончания общеобразовательного курса учитель С.Ф. Арсеньев посчитал безумием: «...в нашем классе говорил моим товарищам про меня, что я сумасшедший»⁹⁹. В этом случае при поступлении в высшее учебное заведение бывший семинарист должен был сдавать экзамены за гимназический курс. Кроме того, как ученик, находившийся на казенном содержании, он обязан был компенсировать епархии расходы за обучение в семинарии – 135 рублей¹⁰⁰. По-видимому, решение было принято благодаря получению места домашнего учителя в доме купца Черепанова, но в прошении об увольнении семинарист позволил себе выпад, отражающий его мировоззрение: «жить дальше в семинарии не могу и не желаю, согласно требованию моей натуры». Рязанов описал реакцию на его выход ректора, который счел такое решение результатом чтения неподходящих книг: «вот что значит начитаться-то различных Щаповых. Я от тебя, Рязанов, ждал этого»¹⁰¹. Свое будущее Рязанов, разумеется, связывал с Медико-хирургической академией, для поступления в которую он собирался ехать в Петербург, чтобы

⁹⁵ Журнал педагогического собрания правления Архангельской духовной семинарии, 5 марта 1872 // ГААО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 451. Л. 38.

⁹⁶ Иванов П.А. – Нахорову В.А., 9 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 5.

⁹⁷ Там же. Л. 7.

⁹⁸ Колчин А.И. – Нахорову В.А., 18 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1677. Л. 2.

⁹⁹ Рязанов П. – Нахорову В.А., 6 мая 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1680. Л. 1 об. (Письмо с просьбой узнать о возможности поступления в Медико-хирургическую академию).

¹⁰⁰ Журнал педагогического собрания правления Архангельской духовной семинарии, 5 марта 1872 // ГААО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 451. Л. 36.

¹⁰¹ Рязанов П. – Нахорову В.А., 6 мая 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1680. Л. 1 об.

там за год подготовиться к экзамену¹⁰². Оставшись один, Петр Иванов также стал думать об отчислении и месте учителя («махнуть сельским»): «мое желание выйти из семинарии не какая-нибудь прихоть, а действие обдуманное и необходимое»¹⁰³, но этот план не был им реализован.

Отсутствие контактов между одноклассниками, даже если они разделяли общие взгляды и читали одну и ту же литературу, особенно заметно на примере второклассников Аркадия Соловьева и Якова Шмакова. После открытия крамольной переписки с Нахоровым и запрета ректора на общение с Ивановым, Соловьеву поневоле пришлось общаться со своим классом: «...сошелся, но без пользы. Различные Павловы, Поповы – тоже скопидомы, об остальных нечего и говорить. Один Шмаков читает и серьезнее других, но и тот по временам»¹⁰⁴. В то же время из писем Шмакова Нахорову известно, что Шмаков с октября 1871 г. занимался исправлением себя:

я не стыжусь (а раньше стыдился!) открыто признаваться, что все годы учения в училище прошли без всякой пользы, так как сознание своей вины есть верный задаток по исправлению, говорит Белинский¹⁰⁵.

Хотя анализируемая сеть формировалась вокруг чтения книг и самообразования, ее участников объединяли не только «идеальные стремления». Аркадий Соловьев писал в октября 1871 г., что репутацию Нахорова в глазах ректора испортила информация обо «всех, которые были участниками экспедиции к Филату»¹⁰⁶. В декабре 1871 г. Петр Иванов сообщил, что с двумя одноклассниками Нахорова Иваном Мефодиевым и Павлом Новиковым он участвовал в «великом возлиянии Бахусу», после чего они собрались сами написать ему в Петербург¹⁰⁷. Вместе с тем употребление алкоголя, бывшее одной из главных забот Учебного комитета Синода, в этой среде также проблематизировалось. Петр Иванов уговаривал Нахорова отказаться от «частых возлияний»:

представляю твое положение сходным с положением ссыльных в уездном городишке, которые запивают свое горе и одиночество. Но Василий

¹⁰² В 1874 г. обыскан в Петербурге по подозрению в распространении запрещенных книг. (Деятели революционного движения в России. Т. 2, вып. 3: М–Р / составители А.А. Шилов, М.Г. Карнаухова. Москва: Всесоюзное общество каторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. Ст. 1384).

¹⁰³ Иванов П.А. – Нахорову В.А., б.д. [1872] // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 9 об.

¹⁰⁴ Соловьев А.Ф. – Нахорову В.А., 15 июня 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1681. Л. 2 об.

¹⁰⁵ Шмаков Я. – Нахорову В.А., 20 декабря 1871 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1685. Л. 1.

¹⁰⁶ Соловьев А.Ф. – Нахорову В.А., 15 июня 1872 // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1681. Л. 1 об.

¹⁰⁷ Иванов П.А. – В.А. Нахорову, 9 декабря 1871. // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 5 об.

Андреевич, твое-то дело не пропащее, а твоя организация, как я думаю, не совсем геркулесовская. Побереги себя, чтобы твоя деятельность не окончилась академией, ведь ты все же, я думаю, не прочь от некоторых идеальных стремлений¹⁰⁸.

Заключение

Анализ корреспонденции Василия Нахорова в сочетании с журналами педагогических собраний и материалами ревизий Архангельской духовной семинарии позволяет в подробностях увидеть, как в начале 1870-х гг. вокруг передовой литературы формировалось и функционировало сообщество читателей. Спецификой архангельского кейса было включение в него политических ссыльных, через которых семинаристы были связаны с передовой молодежью в городе. Вместе с тем не ссыльные определяли интерес духовных воспитанников к светской литературе. В отчеты ревизоров систематически включались сведения о посещении семинаристами публичных библиотек, в том числе в епархиях, где не было политической ссылки¹⁰⁹. Таким образом, «кружок Маликова» только удовлетворял запрос на литературу воспитания и демократические журналы, существовавший в среде самих семинаристов. Хотя контакты с политическими ссыльными размыкали замкнутую внутри духовного сословия сеть отношений, основными контрагентами были учителя и ученики женского и мужского духовных училищ, что свидетельствует о сохранении сословных барьеров внутри губернского города.

До осени 1871 г. в реформированной по уставу 1867 г. Архангельской семинарии царили относительно либеральные порядки, что позволяло ученикам выбирать и читать книги без надзора со стороны учителей. В 1870/71 уч.г. в семинарии были введены обязательные отчеты о прочитанном, задачей которых была организация и поощрение внеклассного чтения, а не его контроль. В качестве отчета Василий Калинин сдал обзор книги Д.В. Дрейпера «История умственного развития Европы», позднее запрещенной Учебным комитетом для семинаристов, а Андрей Титов – разбор работы К.Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии»¹¹⁰. Таким образом, преподаватели сами поддерживали интерес воспитанников к светской литературе. «Гонения»

¹⁰⁸ Иванов П.А. – В.А. Нахорову, 9 декабря 1871. // ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1676. Л. 4–4 об.

¹⁰⁹ Например, *Зинченко И.К.* Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Казанской епархии 1871 года. Санкт-Петербург: [б. и], 1872. С. 34.

¹¹⁰ Отчет о состоянии Архангельской Духовной семинарии за 1870/71 учебный год // РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 1. Л. 89–89 об.

начались с 1871/72 уч.г. и, возможно, были связаны с массовым выходом из духовного сословия выпускников 1871 г., а также возросшими контактами с городом и ссыльными, результатом которых стала публикация в газете «Новое время» в феврале 1872 г. корреспонденции А.С. Пругавина о нравах семинарии.

В 1870/71 уч.г. связи могли быть более плотными, чем они стали год спустя. На это указывает многочисленность контактов между выпускниками 1871 г. и их товарищами, оставшимися в семинарии. На момент, зафиксированный в письмах Нахорову непосредственно, эти связи были ослаблены, в том числе вследствие прямых запретов ректора на общение между семинаристами и контроля за их перепиской. Хотя среди семинаристов было много единомышленников, разделявших «идеальные стремления» или по крайней мере не имевших «религиозного чувства», они не составляли кружка и даже не всегда общались друг с другом. Показательны случаи Соловьева и Шмакова, Николая Шуйского и других пятиклассников, одновременно с ним готовившихся к поступлению в Медико-хирургическую академию.

Хотя сеть пронизывала четыре класса из шести, близкие отношения поддерживали ученики разных классов, в том числе с существенной разницей в возрасте, разделявшие общие убеждения. Для них также было характерно отрицательное отношение к одноклассникам, выливавшееся подчас в нелестные характеристики «болваны-пошляки или фразеры-тряпки». Отдельно стоит отметить, что «стачку» против преподавателя логики организовали ученики, скорее всего, не входившие в анализируемую сеть. Этот эпизод вообще не фигурирует в корреспонденции Нахорова, а поведение Петра Иванова в майском срыве урока выглядит сомнительным. Ученики договорились не готовить урок «по непониманию его ими», однако при появлении инспектора Иванов признал, что «знал урок с смутным пониманием»¹¹¹. Семинарские «бунты» были следствием внутренней жизни учебного заведения, а не чтения передовой литературы.

Наконец, переезд в Петербург и существование в составе землячества не вели автоматически к дальнейшей радикализации и вхождению в революционные кружки даже тех семинаристов, которые интересовались передовой литературой и разделяли установку на служение общему благу. В этом смысле судьба Василия Нахорова, сперва буквально воспитавшего когорту читателей передовой литературы из учеников младших классов, а затем вернувшегося в Архангельскую семинарию учителем, показательна.

¹¹¹ Журнал педагогического собрания правления Архангельской духовной семинарии, 5 июня 1872 // ГААО. Ф. 73. Оп 1. Д. 451. Л. 76.

Хотя Петр Иванов¹¹², Петр Рязанов, Николай Костылев, как и Василий Нахоров, в разное время привлекались к дознанию по делу о пропаганде в империи, революционную биографию имели не они, а один из организаторов «стачки» Евгений Тошаков, арестованный в 1877 г. в Петербурге за принадлежность к «Обществу друзей» М.А. Натансона и в конце концов оказавшийся в 1888 г. на поселении в Иркутской губернии¹¹³.

¹¹² С 1873 г. жил в Петербурге. В 1877 г. вел пропаганду в Уральске, был арестован как бродяга под фамилией Лебедев, в 1878 г. выслан на родину (Деятели революционного движения в России. Т. 2, вып. 2: Ж–Л / составители А.А. Шилов, М.Г. Карнаухова. Ст. 490.

¹¹³ Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь: от предшественников декабристов до падения царизма. Т. 2, вып. 4. С–Я / составители А.А. Шилов, М.Г. Карнаухова. Москва: Всесоюзное общество каторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. Ст. 1729–1731.

Introduction

Researchers of the revolutionary Narodnik movement in the first half of the 1870s describe the movement from two extreme positions: either as a history of a revolutionary organization¹ or as a youth sub/counter-culture, a set of ideas and practices that created “a special *sentiment* (italics added. – Yu. S.), which captured the widest strata of educated society.”² In his recent book, *Census of the Narodniks*, L. Lur'e combined these two approaches and, based on an analysis of the Narodniks' autobiographies, highlighted two stages in the life of representatives of “the 1870s generation”: the general context of growing up in the reformed secondary education system of the 1860s turned “most of the peers born at the turn of the 1840s and 1850s” into a cohort of people who had “common features.” However, they became a “peer group” in university cities, where communities gradually grew into self-education circles and then evolved into revolutionary organizations.³

Greater attention of researchers to the circles and organizations that existed in big cities from where youth “went to the people” in 1874 can be explained by the state of the sources. As the historiography of the Narodnik movement is based on materials from the agencies of political inquiry, the stage of the revolutionary movement's evolution that converted into criminal proceedings is much better documented.⁴ Its earlier and “innocent” phase was inaccessible to the eye of the political police. In this regard, the stage in the biography of the 1870s generation representatives before their study at higher educational institutions and joining revolutionary circles, which predetermined their departure to universities from provincial centers, stays in the background. To understand the initial stage of the Narodnik movement's development, it is necessary to analyze weakly structured communities of secondary school students in the early 1870s, the basis of which was extracurricular reading for the purpose of self-education.⁵

¹ N.A. Troitskii, *The First of the Brilliant Pleiad (The Grand Propaganda Society of 1871–1874)* [in Russian] (Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1991).

² E.I. Shcherbakova, “*The Apostates.*” *The Path to Terrorism (the 1860s–1880s)* [in Russian] (Moscow: Novyi Khronograf, 2008), 98.

³ L.Ya. Lur'e, *Census of the Narodniks: from Nechaev to Degaev* [in Russian] (St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2022), 88–91.

⁴ A.A. Rubtsov, “Anti-government Movement of the 1860–1870s and the Activities of Political Investigation Bodies in the Russian Empire (Legislative Norms and Investigative Practice)” [in Russian] (PhD diss., St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 2023).

⁵ R. Leibov, and A. Vdovin, “What and How Russian Students Read in School, 1840–1917,” in *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, vol. 2, ed. D. Rebacchini, R. Vassena (Milano: Ledizioni, 2020), 259–316.

Main body

The article examines the connections of the students of Arkhangelsk Theological Seminary during a short period of the 1870/71–1871/72 academic years. In this case, there is no reason to talk about the existence of a circle, i.e. a group of like-minded people who were purposefully engaged in self-education for a long time and at the same time separated themselves from other students. Rather, we are dealing with a community that was formed around reading books outside the curriculum and included students of different years and graduates as well as the individuals who did not belong to the educational institution. Such reading was only partly rational, i.e. served the purpose of preparing for admission to a higher educational institution. To a much greater extent, it was subordinated to the task of self-education, radically formulated in the correspondence of the seminarians: “To try to be a man rather than a beast and for this, rise to the height of thought.”⁶ Ideas about what kind of literature could contribute to self-education were rather vague, and the range of reading was wide. For instance, the list of books taken from the Arkhangelsk seminarians by Assistant Inspector N. Kubintsev included novels by Hector Malot and Emile Zola as well as the works of N. Dobrolyubov, V. Belinsky, D. Pisarev, and N. Shelgunov or textbooks on physics and biology.⁷

It is important to emphasize that extracurricular reading of secular literature was not prohibited in seminaries. Moreover, it formed an important part of the 1867 reform of theological education. The unimplemented version of the charter, developed in 1862, required that young men be taught to “strictly discuss what they read,” and classroom discussions “based on the principles of sound criticism” (§ 240) were supposed to be an example of that.⁸ The chairman of the committee that prepared the 1862 charter, Archbishop Dmitry (Muretov) of Kherson, even proposed introducing mandatory “literary meetings” in seminaries, the purpose of which would be reading of “poetic and prosaic published literary works.”⁹ Thus, the reformers

⁶ “Shmakov Ya. – Nakhorovu V.A., 20 dekabrya 1871” [From Ya. Shmakov to V.A. Nakhorov, December 20, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1685, l. 1. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (GARF), Moscow, Russia.

⁷ “Zhurnal pedagogicheskogo sobraniya pravleniya Arkhangel'skoi dukhovnoi seminarii, 28 yanvarya 1875” [Journal of pedagogical meeting of the Arkhangelsk Theological Seminary board, January 28, 1875]. F. 73, op. 1, d. 438, l. 216–216 ob. Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti [State Archive of Arkhangelsk Oblast] (GAAO), Arkhangelsk, Russia.

⁸ *A Code of Statutes and Draft Statutes of Theological Seminaries, 1808–1814, 1862, 1867, 1884 and 1896* [in Russian] (St Petersburg: Sinodal'naya tipografiya, 1908), col. 157.

⁹ “Donesenie Svyateishemu pravitel'stvuyushchemu sinodu arkhiepiskopa Khersonskogo Dmitriya” [Report of Archbishop Dmitry of Kherson to The Most Holy Governing Synod]. F. 573, op.1, d. AI/82, l. 92 ob. Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Manuscript Department of the National Library of Russia], St Petersburg, Russia. I thank K. Vanicheva who pointed out this source to me.

viewed unification of seminarians on the basis of collective reading in the early 1860s as a good pedagogical technique.

In the 1867 charter, all ideas for organizing extracurricular reading were reduced to the requirement to encourage students to read “useful books under the guidance of teachers” in § 135.¹⁰ Literary circles and handwritten journals of seminarians, created in the first post-reform years with the permission of teachers, were systematically abolished by the inspectors of the Synod Educational Committee.¹¹ On April 18, 1871, literary musical evenings were banned.¹² The new charter stipulated that extracurricular reading should be controlled, individual, and strictly dosed.

In 1870, S. Kersky, who inspected Arkhangelsk Theological Seminary, made extracts from the room journal, in which the “elder” of the students wrote down the good and bad deeds of their comrades. Although he noted two entries among the “bad” ones (“P. spent the whole day reading Buckle’s *History*,” “Vakhromeev spends more time reading books than preparing lectures”), a “good recommendation” attracted his attention.¹³ The situation seemed so important to the inspector that he included it in the printed version of the report, which was sent to all ecclesiastical educational institutions: “K. and V. are engaged in reading useful books, especially the latter, who uses not only the hours given for study but also the time assigned for walks and rest for this good activity.” The record did not indicate which books the seminarians read, but even reading H.Th. Buckle did not bother Kersky to the same degree. The inspector was concerned about the harm caused by excessive reading to the students’ health rather than its hypothetical impact on academic success or morality. As a result, he instructed to the leadership of the seminary “to be vigilant in ensuring that during the hours of rest none of the students completely abscond from certain activities necessary to renew and increase their physical strength.”¹⁴

These requirements were literally taken into account in the “Rules of Conduct for the Students of Arkhangelsk Seminary.” Printed in a printing house, they were

¹⁰ *Charter of Orthodox Theological Seminaries* [in Russian] (St Petersburg: n.p., 1867), 29.

¹¹ I.K. Zinchenko, *Report on the Inspection of Religious Educational Institutions of the Kharkov diocese (1874)* [in Russian] (St Petersburg: n.p., 1875), 9.

¹² “O vospreshchenii ustroistva v dukhovno-uchebnykh zavedeniyakh kontsertov, spektaklei, chtenii i drugikh publichnykh sobranii, 18 aprelya 1871” [On the prohibition of organizing concerts, performances, readings and other public gatherings in religious educational institutions, April 18, 1871]. F. 73, op 1, d. 433, l. 112. GAAO.

¹³ “Materialy k otchetu o revizii Arkhangel'skoi dukhovnoi seminarii, 1870” [Materials for the report on the inspection of Arkhangelsk Theological Seminary, 1870]. F. 802, op. 17, d. 38, l. 49 ob. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia.

¹⁴ S.V. Kerskii, *Transformation of Ecclesiastical Educational Institutions of the Arkhangelsk Diocese (in 1870)* [in Russian] (St Petersburg: n.p., 1870), 64.

distributed to students in the autumn of 1871 and began to define their lives. As A. Prugavin wrote in correspondence for the *Novoe Vremya* newspaper, seminarians

... are busy for the whole day: with lectures, preparation for lectures, prayers, singing, gymnastics, compulsory rest, so that *less than half an hour* (A. Prugavin's italics. – Yu. S) is left daily 'for useful activities of the choice of the students themselves,' for example, reading.¹⁵

Strengthening of control was felt by the seminarians as a return to the pre-reform order: "Oppressed by the new discipline, the seminary seems to be entering into its rights of Pomyalovsky's times."¹⁶

Contradictory instructions from St Petersburg, which demanded organization of extracurricular reading, on the one hand, and to limit and strictly control it, on the other, made the use of books by ecclesiastical students a cause of constant conflicts.¹⁷ Maintaining the individual character of reading but not allowing the discussion of what was read without the teachers' supervision was especially difficult due to the living conditions of the seminarians.

The Arkhangelsk seminary was quite small; in the 1870/71 academic year, it accommodated only 90 students and 12 teachers.¹⁸ Among its specific features was compact accommodation of students, including those paying their own expenses, in a seminary dormitory, which was rare for theological educational institutions. In January 1870, 84 students lived in the seminary; 9 persons lived in their parents' houses; 3 with their close relatives; 3 in rented apartments.¹⁹ Due to the long distances, many students stayed in Arkhangelsk for the Christmas and Easter holidays, visiting their parents only in the summer.²⁰

Such conditions contributed to close communication between students, including those studying in different classes. Seminarians could spend their free time in the

¹⁵ A. Prugavin, "Arkhangelsk. February 2, 1872" [in Russian], *Novoe Vremya*, no. 40, 1872, 3.

¹⁶ "Titov A.S. – Nakhorovu V.A., 12 aprelya 1872" [From A.S. Titov to V.A. Nakhorov, April 12, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1683, l. 9–9 ob. GARF.

¹⁷ For more details about the conflicts in Arkhangelsk Theological Seminary, see Yu.A. Safronova, "Self-Education vs Extracurricular Reading: Secular Literature in Orthodox Theological Seminaries after the Reform of 1867" [in Russian], *Antropologicheskii forum*, no. 57 (2023): 61–85, <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-57-61-85>

¹⁸ A.V. Sushko, *Theological Seminaries in Post-reform Russia (1861–1884)* [in Russian] (St Petersburg: SPbGMA im. I.I. Mechnikova, 2010), 82, 160.

¹⁹ Kerskii, *Transformation of Ecclesiastical Educational Institutions*, 53.

²⁰ "Materialy k otchetu o revizii Arkhangel'skoi dukhovnoi seminarii, 1870" [Materials for the report on the inspection of Arkhangelsk Theological Seminary, 1870]. F. 802, op. 17, d. 38, l. 273. RGIA.

seminary garden, in the library, or in one of the eight bedrooms.²¹ As a result, friendship between the fifth- and first-year students, between whom there could be an age gap of five or more years, was common, with the elder friend acting as a mentor for the younger one. The style of such relationships was mentioned by seminarian Petr Ivanov in a letter to graduate Vasily Nakhorov:

Do you remember, in the first year, you used to say to me “a smart head” or something like that. Well, an inexperienced boy, I imagined that I was really smart, although in essence I was almost empty-headed.²²

Thanks to the correspondence of Vasily A. Nakhorov, son of a priest from Shenkursky Uyezd, who completed a full course of study in June 1871, it is possible to reconstruct the relationships of students of Arkhangelsk Theological Seminary, which evolved around reading for self-education. 26 letters for 1871–72 were seized by gendarmes during a search in October 1874 in the dormitory of St Petersburg Theological Academy, where Nakhorov was studying at that moment.²³ Among the correspondents there were 6 students of Arkhangelsk Theological Seminary: one fifth-year student, three third-years and two second-years. Seminary graduate Andrei Titov, who resigned after his fourth year in the summer of 1871 and served as an official in Velsk Uyezd of Vologda Governorate, also wrote to Nakhorov. In their letters, Nakhorov’s correspondents mentioned several dozen people who were united by the desire for self-education and the intention to study in St Petersburg as well as those who opposed them (not only teachers but also other students). The correspondence contains information about the situation of the 1871/72 academic year, but the events of the previous two years are also recalled. In contrast to the gloomy present, the earlier years were described as a heroic era. In the spring of 1872, Andrei Titov, who regularly received information about the state of affairs at his alma mater, complained that the seminary was turning “from progressive revolutionary into conservative. Was the bright star that shone so bright above it really beginning to fade?”²⁴ Apparently, the “revolutionary” state of the seminary was not the result of the students’ efforts alone but was to some extent supported by the

²¹ “Materialy k otchetu o revizii Arkhangel'skoi dukhovnoi seminarii, 1870” [Materials for the report on the inspection of Arkhangelsk Theological Seminary, 1870]. F. 802, op. 17, d. 38, l. 75–75 ob. RGIA.

²² “Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 15 yanvarya 1872” [From P.A. Ivanov to V.A. Nakhorov, January 15, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 7 ob. GARF.

²³ “Predstavlenie mitropolita Novgorodskogo i Sankt-Peterburgskogo ober-prokuroru Sinoda, 19 oktyabrya 1874” [Submission of the Metropolitan of Novgorod and St Petersburg to the Chief Procurator of the Synod, October 19, 1874]. F. 797, op. 44, d. 61, l. 1–1 ob. RGIA.

²⁴ “Titov A.S. – Nakhorovu V.A., 12 aprelya 1872” [From A.S. Titov to V.A. Nakhorov, April 12, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1683, l. 9 ob. GARF.

teachers. For instance, in April 1871, among the 25 topics of course essays the students of the sixth year were offered there was the polemical topic “Modern Materialist Worldview in front of the Light of Christian Doctrine,” which implied a close acquaintance of graduates with materialist theories.²⁵

The result of the heroic era was that those who completed the general-education and those who finished the theological course of the seminary entered secular higher educational institutions in the spring of 1871. In May 1871, the pedagogical meeting stated that out of 11 sixth-year students, “5 best and more capable ones” did not express a desire to continue their religious education, and 3 reported their intention to enter St Petersburg University and Medical Surgical Academy.²⁶ On June 13, 1871, four fourth-years submitted petitions for dismissal from the seminary to enter higher educational institutions.²⁷ Vasily Nakhorov, who left for the capital together with his classmates, had to enter St Petersburg Theological Academy.²⁸ He was able to admit his failure to his Arkhangelsk friends only in October in a letter written “in the tone of a man who had lost hope of being able to fulfill his plan and considered himself irretrievably lost.”²⁹

Having received this news, Petr Ivanov wrote:

Will entering there (the Academy. – Yu. S.) really change all your noble convictions? I don't think so at all because one can graduate from the Medical Academy and University as a scoundrel as well. Don't get discouraged and don't lose energy. Besides, not everyone is capable of giving himself up to an idea.³⁰

Vasily Nakhorov's further destiny is indicative in its own way. “Ideal aspirations” and extensive correspondence of dubious content were known in Arkhangelsk. Already in December 1871, fifth-year student Aleksei Kolchin asked Nakhorov to write “more modestly about the rector.”³¹ In April 1872, Nakhorov's letter, containing “criminal

²⁵ “Predlozheniya uchenikam 6 klassa dlya kursovykh sochinenii, 1 aprelya 1871” [Suggestions for 6th grade students for course essays, April 1, 1871]. F. 73, op 1, d. 445, l. 98 ob. GAAO.

²⁶ “Zhurnal pedagogicheskogo sobraniya pravleniya Arkhangel'skoi dukhovnoi seminarii, 14 maya 1871” [Journal of pedagogical meeting of the Arkhangelsk Theological Seminary board, May 14, 1871]. F. 73, op. 1, d. 445, l. 144. GAAO.

²⁷ Ibid., l. 168.

²⁸ About Nakhorov's misadventures in the capital, see A. Prugavin, “Arkhangelsk. February 2, 1872” [in Russian], *Novoe Vremya*, no. 40, 1872, 3.

²⁹ “Solov'ev A.F. – Nakhorovu V.A., 17 oktyabrya 1871” [From A.F. Solovyov to V.A. Nakhorov, October 17, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1681, l. 1. GARF.

³⁰ “Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 9 dekabrya 1871” [From P.A Ivanov to V.A. Nakhorov, December 9, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 4 ob. GARF.

³¹ “Kolchin A.I. – Nakhorovu V.A., 18 dekabrya 1871” [From A.I Kolchin to V.A. Nakhorov, December 18, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1677, l. 2 ob. GARF.

thoughts against the state and anti-religious ones,” was found by assistant inspector N. Kubintsev on the second-year student Arkady Solovyov.³² Although the inspectors conducted a number of searches and took measures to suppress correspondence, the discussion of this incident was not included in the journals of the pedagogical meeting for 1872.³³ Moreover, Arkhangelsk teachers chose to hide Nakhorov’s activities from their colleagues in St Petersburg. On June 10, 1872, acting inspector E. Shuisky wrote a letter to the graduate asking whether the report about Petr Ivanov was correct that he copied Ludwig Büchner’s essay “Kraft und Stoff” from the copy that Nakhorov had left. In this case, of interest is the reasoning of the board, on whose decision the inspector made inquiries. It appealed directly to Nakhornov:

... In order to reduce time and any inconvenience that may arise for you (Nakhorov. – Yu. S.), give these explanations directly to the rector of the academy.³⁴

Obviously, the letter contains a threat to appeal to the academic authorities, but the very decision of the board to make the fact of dissemination of the “forbidden” work an internal matter of the Arkhangelsk residents is indicative. Neither Nakhorov nor his former teachers needed publicity because the Synod’s circular dated September 5, 1864 held them responsible for sending unreliable graduates to the academy.³⁵

Vasily Nakhorov did not cause any complaints from St Petersburg teachers. The rector of the theological academy testified to the Metropolitan of Novgorod and St Petersburg that the student’s behavior “did not give the slightest reason to doubt his political reliability.”³⁶ On October 10, 1874, a search was conducted at the academy in connection with the case of propaganda in the empire, but already on October 26, the Third Department replied to the enquiry of the Chief Procurator of the Most Holy

³² “Solov'ev A.F. – Nakhorovu V.A., 15 iyunya 1872” [From A.F. Solovyov to V.A. Nakhorov, June 15, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1681, l. 2. GARF.

³³ “Zhurnaly pedagogicheskikh sobranii pravleniya seminarii, 1872” [Journals of pedagogical meetings of the Arkhangelsk Theological Seminary board, 1872]. F. 73, op. 1, d. 451. GAAO.

³⁴ “E.N. Shuiskii – V.A. Nakhorovu, 10 iyunya 1872” [From E.N. Shuisky to V.A. Nakhorov, June 10, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1686, l. 1–1 ob. GARF.

³⁵ “Zhurnal pedagogicheskogo sobraniya pravleniya Arkhangel'skoi dukhovnoi seminarii, 14 maya 1871” [Journal of pedagogical meeting of the Arkhangelsk Theological Seminary board, May 14, 1871]. F. 73, op. 1, d. 445, l. 144 ob. GAAO.

³⁶ “Predstavlenie mitropolita Novgorodskogo i Sankt-Peterburgskogo ober-prokuroru Sinoda, 19 oktyabrya 1874” [Submission of the Metropolitan of Novgorod and St Petersburg to the Chief Procurator of the Synod, October 19, 1874]. F. 797, op. 44, d. 61, l. 1 ob. RGIA.

An important feature of the network is the numerous connections of the seminarians outside the educational institution, on the one hand, and its isolation within the clergy, on the other. The gray color on the graph indicates 5 people who did not belong to the clergy estate, 3 of whom were political exiles. In the autumn and winter of 1871, A. Malikov and F. Kharevich gave the seminarians access to books from the public library where they served.⁴⁰ Both were exiled to Arkhangelsk in the first half of the 1860s (Malikov in connection with the Ishutin Society case and Kharevich as a participant in the Polish Uprising of 1863–64). Petr Ivanov wrote about the existence of the “Malikov circle,” where two literary evenings took place, “I don’t know what happened and was said there because I was not invited.”⁴¹ Apparently, Aleksei Kolchin had a closer relationship with this group. In connection with Malikov’s departure to Orel, Ivanov wrote about him the following: “. . . It will be especially unbearable for some gentlemen, such as Aleksei Ivanovich [Kolchin].”⁴² Aleksandr Prugavin, a member of the “Malikov circle,” the son of the superintendent of public schools in Arkhangelsk Governorate, was exiled to his homeland in connection with the Nechaevites case in April 1871. The Arkhangelsk governor reported that Prugavin had gained influence on local youth, “both in the gymnasium and in the seminary.”⁴³ Apparently, it was Prugavin, about whom Ivanov wrote: “Some people also visit Al. P., but it’s a pity I can’t get to know them.”⁴⁴

The rector of the seminary, Archimandrite Donat (Babin-Sokolov), argued that the main sources of harmful influence on his students were the city in general and the public library in particular,⁴⁵ and therefore the “Malikov circle” was hardly the only or main factor in the formation of a community of readers. Opening of free access to the public library and A. Prugavin’s active work date back to the autumn of 1871, i.e. they did not affect the cohort of 1871 graduates, to whom Nakhorov belonged and with whom the seminarians who remained in Arkhangelsk maintained relations. Petr

⁴⁰ “Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 13 oktyabrya 1871” [From P. Ivanov to V.A. Nakhorov, October 13, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 3. GARF. About A.K. Malikov, see K.A. Solov’ev, *“I Said, You Are Gods...” Religious Trend in the Liberation Movement of the 1870s in Russia (“Divine Humanity”)* [in Russian] (Moscow: Knizhnyi perekrestok, 2012).

⁴¹ “Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 9 dekabrya 1871” [From P. Ivanov to V.A. Nakhorov, December 9, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 5. GARF.

⁴² *Ibid.*, l. 5.

⁴³ “Otnoshenie Arkhangel'skogo gubernatora ministru vnutrennikh del, 13 marta 1872 (otpusk)” [Memorandum of the Arkhangelsk Governor to the Minister of Internal Affairs, March 13, 1872 (vacation)]. F. 1, op. 4, t. 1, d. 2189, l. 68. GAAO.

⁴⁴ “Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 9 dekabrya 1871” [From P.A. Ivanov to V.A. Nakhorov, December 9, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 5. GARF.

⁴⁵ “Otchet o sostoyanii Arkhangel'skoi Dukhovnoi seminarii za 1873/74 uchebnyi god” [Report on the state of Arkhangelsk Theological Seminary for the 1873/74 academic year]. F. 802, op. 9, d. 1, l. 265. RGIA.

Ivanov became friends with Nakhorov in his first year, i.e. in the 1869/70 academic year, and even then it included recommendation of books and their discussion.⁴⁶ Perhaps, Nakhorov might have undergone such influence because he was involved in the management of the library. There is quite a vague indication that the rector was dissatisfied with the graduate “. . . because of the disorder in the school library and especially because of the fact that many books were missing, for example, as far as the collections were concerned, some of the books were not there.”⁴⁷

Small number of contacts between spiritual youths and the secular environment can be explained by class barriers that continued to divide the youth of the provincial city.⁴⁸ A. Prugavin cited statistics on the number of students in educational institutions of Arkhangelsk at the beginning of 1872: 129 in men’s gymnasium; 140 in women’s gymnasium; 83 in theological seminary; 102 in the uyezd school; 170 in the uyezd theological school; 45 in women’s theological school; 70 in German evangelical school.⁴⁹ Despite such diversity, connections of seminarians in secular educational institutions cannot be traced, with the exception of a single case, the relationship between second-year Yakov Shmakov and seven-year gymnasium student Setkov, who met in April 1871. The possibility of such an acquaintance was explained by Shmakov’s position as a gymnasium student, who lived with his mother on the money earned by lessons: “He has an excellent character, he is not proud, because he is poor.” Only poverty made a gymnasium student equal to the son of a priest, but it was the former who had to condescend to associate with the latter, which was explicitly stated by Shmakov: “We are both poor and he is a democrat.”⁵⁰

In the autumn of 1871, Setkov asked Shmakov for help: since the Arkhangelsk men’s gymnasium was a non-classical school, he did not know Latin, which he needed to enter the Medical Surgical Academy. The seminarian started his lessons at once, spending his Sundays on them and taking no payment for ideological reasons: “I decided long ago that my first work would be done for nothing.”⁵¹ This episode shows that in a provincial town it was difficult even for a very narrow group of young

⁴⁶ “P.A. Ivanov – V.A. Nakhorovu, 5 iyulya 1871” [From P. Ivanov to V.A. Nakhorov, July 5, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 1 ob. GARF.

⁴⁷ “Solov'ev A.F. – Nakhorovu V.A., 17 oktyabrya 1871” [From A.F. Solovyov to V.A. Nakhorov, October 17, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1681, l. 1 ob. GARF.

⁴⁸ See L. Manchester, *Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia* [in Russian], trans. A.Yu. Polunov (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015), 65–75.

⁴⁹ A. Prugavin, “Arkhangelsk. February 2, 1872” [in Russian], *Novoe Vremya*, no. 40, 1872, 3.

⁵⁰ “Shmakov Ya. – Nakhorovu V.A., 20 dekabrya 1871” [From Ya. Shmakov to V.A. Nakhorov, December 20, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1685, ll. 1 ob.–2. GARF.

⁵¹ *Ibid.*, l. 2.

men who shared common views to get along due to class boundaries, which inevitably determined physical boundaries.

Not gymnasium students but students of other ecclesiastical educational institutions (men's and women's religious schools, where their brothers and sisters studied and recent graduates taught) were the main counterparty for the seminarians. Petr Ivanov wrote in January 1872, "There are still a few good heads in the religious school, but one can rarely go there."⁵² In the autumn of 1871, Nakhorov's classmate Konstantin Ezhov started service at Arkhangelsk Theological School as a teacher of arithmetic and geography.⁵³ The new status did not prevent him from becoming an intermediary between the graduate and the seminarians when the inspection started opening their letters. At the same time, in January 1872, Petr Ivanov asked, ". . . just don't address the letter to me directly but address it K. Alek. Ezhov."⁵⁴

The educational mission of Yakov Shmakov at the women's diocesan school is also interesting. On December 20, 1871, Shmakov wrote to Nakhorov that after reading the novel *Svetlov* by I. Omulevsky,⁵⁵ he decided to "help a person," which is why in September 1871, he "came to the school with a book from the public library and offered to read," and thus started with his sister, then N. Podosenova, Shabunina and others also started reading.⁵⁶ In this case, teachers (assistant to the head of the school Natalya Podosenova and calligraphy teacher Anna Shabunina) were also involved in communication with the seminarian.⁵⁷ To justify his venture, Shmakov cited the words of V. Belinsky, according to which "anyone who reads at least *Eruslan Lazarevich* will know twice more than those who do not read anything."⁵⁸

⁵² "P.A. Ivanov – V.A. Nakhorovu, 15 yanvary 1872" [From P. Ivanov to V.A. Nakhorov, January 15, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 9 ob. GARF.

⁵³ M.Kh. Grigorevskii, *Report on the Inspection of Ecclesiastical Educational Institutions of the Arkhangelsk Diocese (1875)* [in Russian] (St Petersburg: n.p., 1876), 42. *Official Directory of Arkhangelsk Governorate for 1877* [in Russian] (Arkhangelsk: Gubernskaya tipografiya, 1877), 17.

⁵⁴ "P.A. Ivanov – V.A. Nakhorovu, 15 yanvary 1872" [From P.A. Ivanov to V.A. Nakhorov, January 15, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 9 ob. GARF.

⁵⁵ *Svetlov, ego vzglyady, ego zhizn' i deyatelnost'* [Svetlov, his views, life and activities] is the title of a separate edition of the novel *Shag za shagom* [Step by step] (1871). For more on the literature about "new people," see L.R. Il'yasova, "Ideological Quests of the Russian Intelligentsia of Miscellaneous Ranks and Their Reflection in the Literature about the 'New People' at the Turn of the 1860–1870s" [in Russian], *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istoriya, Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, iss. 96 (2020): 44–61, <https://doi.org/10.15382/sturII202096>

⁵⁶ "Shmakov Ya. – Nakhorovu V.A., 20 dekabrya 1871" [From Ya. Shmakov to V.A. Nakhorov, December 20, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1681, l. 1 ob. GARF.

⁵⁷ *Official Directory of Arkhangelsk Governorate for 1877* [in Russian] (Arkhangelsk: Gubernskaya tipografiya, 1872), 41–42.

⁵⁸ "Shmakov Ya. – Nakhorovu V.A., 20 dekabrya 1871" [From Ya. Shmakov to V.A. Nakhorov, December 20, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1685, l. 1 ob. GARF.

Shmakov also sent his regards to graduate Vasily Kalinnikov through Nakhorov and reported that “his Lyubka was being kicked out of the school,”⁵⁹ but whether he was talking about his sister or a friend is not clear. Vasily Nakhorov knew A. Shabunina, so he tried to get some information about her through Arkady Solovyov in October 1871,⁶⁰ while the letter about Shmakov’s “monkey tricks” at the school was written on December 20.

Probably, not all relationships between the seminarians and diocesan women were based on the desire to “help the unfortunate situation” because Shmakov asked not to suspect him of bad intentions and added that he “had given up romances.”⁶¹ The fact that not only fraternal or comradely attitude towards women was common among the seminarians can be concluded from the letter of Aleksei Kolchin, in which he said hello to the “children of Aesculapius”, imagined his former classmate Petr Makarov “in the Nevsky with a camellia” and asked Nakhorov about his success “in the matter of the Nevsky-camellia-underground achievements.”⁶²

The contacts of the group of seminarians with exiles or with diocesan women were those connections that opened up the closed world of the seminary, where acquaintances like the relationship between Yakov Shmakov and gymnasium student Setkov were rare and more accessible to students who lived in the city.⁶³ After all, the basis of the described network was formed by graduates (10 people) and students (12 people) of the seminary, and connections between them were diverse and close.

In Figure 1, 10 graduates are indicated in lilac color. 6 of them lived in St Petersburg (indicated in bright lilac) and maintained contacts with each other and with their acquaintances who stayed in Arkhangelsk. S. Kersky’s report provides data on admission of the graduates of the Arkhangelsk seminary in higher educational institutions in 1867–69. It follows from it that in 1870 there were 7 persons in St Petersburg (4 at the theological academy and 3 at the university) and two more studied at Moscow University.⁶⁴

⁵⁹ “Shmakov Ya. – Nakhorovu V.A., 20 dekabrya 1871” [From Ya. Shmakov to V.A. Nakhorov, December 20, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1685, l. 1 ob. GARF.

⁶⁰ “Solov'ev A.F. – Nakhorovu V.A., 17 oktyabrya 1871” [From A.F. Solovyov to V.A. Nakhorov, October 17, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1681, l. 1 ob. GARF.

⁶¹ “Shmakov Ya. – Nakhorovu V.A., 20 dekabrya 1871” [From Ya. Shmakov to V.A. Nakhorov, December 20, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1685, l. 1 ob. GARF.

⁶² “Kolchin A.I. – Nakhorovu V.A., 18 dekabrya 1871” [From A.I. Kolchin to V.A. Nakhorov, December 18, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1677, l. 2. GARF.

⁶³ Ya. Shmakov is not mentioned in the list of students whose parents resided outside Arkhangelsk (“Materialy k otchetu o revizii Arkhangel'skoi dukhovnoi seminarii, 1870” [Materials for the report on the inspection of Arkhangelsk Theological Seminary, 1870]. F. 802, op. 17, d. 38, ll. 273–275 ob. RGIA).

⁶⁴ *Ibid.*, l. 274.

At the same time, 5 out of 6 graduates included in the analyzed network were the graduates of 1871, which may indicate a fundamental difference between this group and the previous cohort of students. The only exception can be Mikhail Terent'ev, who studied at St Petersburg Theological Academy two years earlier than Nakhorov (fourth-year student Ivan Postnikov sent him his regards through Ivanov).⁶⁵

The main distinction of the 1871 graduates was that they chose Medical Surgical Academy as a place to study rather than a university. Apparently, that was the first instance, as Petr Ivanov asked in October 1871, "... Is it possible to enter the medical academy with a seminary document? There is a rumor here that it is impossible, and Kalinnikov and Kostylev got there only due to patronage."⁶⁶ The seminarians' correspondence regarding admission to the academy was centered around Vasily Kalinnikov,⁶⁷ who left the seminary after the fourth year, while Nakhorov's classmate Nikolai Kostylev⁶⁸ was mentioned only once in the letter from Ivanov quoted above. Perhaps, this is due to the fact being a native of Shenkursky Uyezd, Kalinnikov lived in the seminary's dormitory during his studies and stayed there during vacations as well,⁶⁹ and Nikolai Kostylev lived in his father's house.⁷⁰ As a result, he was much less involved in the relationships within the seminary's dormitory.

Kostylev's position can be compared with that of Nikolai Shuisky, nephew of the seminary inspector E. Shuisky, who lived in his apartment. Having been promised financial support by his uncle, the best student in the fifth year was going to enter the

⁶⁵ "Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 15 yanvarya 1872" [From P.A. Ivanov to V.A. Nakhorov, January 15, 1872]. GARF. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 7 ob. GARF.

⁶⁶ "Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 13 oktyabrya 1871" [From PA. Ivanov to V.A. Nakhorov, October 13, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 3 ob. GARF.

⁶⁷ He died in St Petersburg between May 6 and June 15, 1872. Arkady Solovyov wrote, "We were very sorry for Kalinnikov. They held a funeral feast for him at the cross, where all his good deeds were recalled." ("Solov'ev A.F. – Nakhorovu V.A., 15 iyunya 1872" [From A.F. Solov'ev to V.A. Nakhorov, June 15, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1681, l. 3. GARF).

⁶⁸ He was searched in December 1874 on suspicion of political unreliability. (*Figures of the Revolutionary Movement in Russia. Bio-Bibliographic Dictionary: From the Predecessors of the Decembrists to the Fall of Tsarism* [in Russian], ed. F. Kon et al., vol. 2, *The 1870s*, iss. 2, Zh–L, comp. A.A. Shilov, and M.G. Karnaukhova (Moscow: Vsesoyuznoe obshchestvo katorzhan i ssyl'no-poseselentsev, 1930), col. 663).

⁶⁹ "Materialy k otchetu o revizii Arkhangel'skoi dukhovnoi seminarii, 1870" [Materials for the report on the inspection of Arkhangel'sk Theological Seminary, 1870]. F. 802, op. 17, d. 38, l. 273 ob. RGIA.

⁷⁰ Since the seminarians are mentioned in all documents without a patronymic, Nikolai Kostylev can be either the son of the rector of the Annunciation Cathedral G.F. Kostylev or the head of the spiritual consistory department I.E. Kostylev (*Official Directory of Arkhangel'sk Governorate for 1872*, 11, 48).

medical academy. In June 1872, E. Shuisky suddenly changed his mind after learning from a relative that

. . . the students of the university and medical academy were such atheists, they have got out of hand. . . Well, after that, Evg[enii] Nik[olaevich] believes it to be a sin to give funds to Nikolai to enter such an institution.⁷¹

In this case, of importance are not the relationship between the uncle and the nephew, but the fact that Nikolai Shuisky was not mentioned in the letters of the students who were jointly preparing to enter the academy. He was mentioned only in a letter from Arkady Solovyov, a rector's relative and his younger brother I. Sokolov, a teacher of civil history. Solovyov lived in the rector's apartment, which put him in a privileged position, since people turned to him for news from the teachers' room.⁷² On the other hand, supervision over him was much stricter. At the end of 1871, he was forbidden to communicate with Ivanov as an "extremely suspicious person," so the latter complained of loneliness: ". . . Arkady is also a bird of passage in our land, and only mostly after lunch and after dinner he came for a few hours. . ."⁷³

From Arkhangelsk, the relationship between those who left for St Petersburg seemed to be an ideal brotherhood. Judging by the numerous greetings sent through Nahorov, the seminarians believed that all graduates maintained close contacts with each other. The former seminary inspector, Hegumen Aleksy, had a similar idea of them as a single group. According to Arkady Solov'ev, upon returning from the capital, he told the rector about them, "the natives of Archangelsk in St Petersburg. How, for example, Shmakov and others behaved at Kalinnikov's funeral."⁷⁴ Meanwhile, Nakhorov's relations with the rest of the graduates were apparently uneven due to the lower status of the student of the theological academy compared to those who entered the medical academy. In December 1871, Nakhorov sent a letter to Kolchin with the idea of creating a mutual aid fund ". . . with the goal of helping poor Arkhangelsk students." Within the seminary, the attitude to this project differed, since it competed both with other collective expenses, such as shared subscription to magazines, and with personal plans of the students who were saving money to live in

⁷¹ "Solov'ev A.F. – Nakhorovu V.A., 15 iyunya 1872" [From A.F. Solov'ev to V.A. Nakhorov, June 15, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1681, l. 3. GARF.

⁷² "You want to know what our Father thinks about you. I cannot say anything about that, since in this regard he is very cautious. . .," Solov'ev wrote in response to Nakhorov's inquiry ("Solov'ev A.F. – Nakhorovu V.A., 17 oktyabrya 1871" [From A.F. Solovyov to V.A. Nakhorov, October 17, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1681, l. 1 ob. GARF).

⁷³ "P.A. Ivanov – V.A. Nakhorovu, b.d. [1872]" [From P.A. Ivanov to V.A. Nakhorov, no date [1872]]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 9 ob. GARF.

⁷⁴ "Solov'ev A.F. – Nakhorovu V.A., 15 iyunya 1872" [From A.F. Solovyov to V.A. Nakhorov, June 15, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1681, l. 3. GARF.

the capital.⁷⁵ The supposed attitude of St Petersburg residents was also ambiguous. Yakov Shmakov asked, “Will M[ister] Kalinnikov listen to this idea with laughter?”⁷⁶

In the absence of more precise information about the nature of the relationships within the Arkhangelsk community in St Petersburg, we can try to find out what connected the group of the 1871 graduates before their departure thanks to the letters from Andrei Titov and his colleague, uyezd supervisor of the Velsk Uyezd office Nikolai Porfir'evich Oskolkov,⁷⁷ in whose house Titov lived. Titov submitted a petition for dismissal from the seminary in June 1871, together with three other students who finished their fourth year (Vasily Kalinnikov, Petr Makarov, and Ivan Vakhromeev).⁷⁸ The first two achieved their desired goal and they became students, but there is no information about the fate of the latter.

Describing his “half-animal” existence in the village of Blagoveshchenskoye, Titov recalled the “hobbies of the past,” thanks to which “the future was seductively depicted in the colors of the brightest and most significant perspective.”⁷⁹ From his point of view, the “student environment” and “school science” were equal in their beneficial influence on human development, in contrast to the miserable life of “pen-pushing”: “. . . In the sphere of my mind, no serious questions arise either. But where or as a result of what may they arise?” Thus, for Titov, the years of study at the seminary turned out to promote development more than independent life: “I am even more surprised myself at what I used to be in the seminary and that I am now. . . . Really, I even feel hurt by this.”⁸⁰

Titov’s unsuccessful attempt to escape from his sleepy “provincial” life is known from Oskolkov’s letter. In the autumn of 1871, the young man applied for a position of village teacher, received it, but then refused due to financial considerations. Oskolkov commented on that escapade:

⁷⁵ “Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 15 yanvarya 1872” [From P.A. Ivanov to V.A. Nakhorov, January 15, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 6 ob. GARF.

⁷⁶ “Shmakov Ya. – Nakhorovu V.A., 20 dekabrya 1871” [From Ya. Shmakov to V.A. Nakhorov, December 20, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1685, l. 3. GARF.

⁷⁷ *Memorial Book of Vologda Governorate for 1873* [in Russian], ed. F.A. Arsen'ev (Vologda: Tipografiya Vologodskogo gubernskogo pravleniya, 1873), 14–15.

⁷⁸ “Zhurnal pedagogicheskogo sobraniya pravleniya Arkhangel'skoi dukhovnoi seminarii, 13 iyunya 1871” [Journal of pedagogical meeting of the Arkhangelsk Theological Seminary board, June 13, 1871]. F. 73, op. 1, d. 445, l. 168. GAAO.

⁷⁹ “Titov A.S. – Nakhorovu V.A., 27 noyabrya 1871” [From A.S. Titov to V.A. Nakhorov, November 27, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1683, l. 1 ob. GARF.

⁸⁰ “Titov A.S. – Nakhorovu V.A., 12 aprelya 1872” [From A.S. Titov to V.A. Nakhorov, April 12, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1683, l. 8 ob. GARF.

... There are still few people in Rus' who would like to devote themselves to enlightening the ignorant masses and give all their strength and intelligence in the bad conditions of life. . . It is true that it is always easier to carry out a theory than to respond to it with action.⁸¹

Titov's decision to change his comfortable life to the post of a rural teacher was obviously dictated by the "aspirations" formed in the seminarian circle to which he belonged before graduation: ". . . I would like to donate my strength to a broader and more useful field." Titov explained the need to choose a well-fed life of an official instead of that with the "Darwinian Theory," integrating the acquisition of funds into the "struggle for existence."⁸²

The views of Nakhorov during his last two years at the seminary can be reconstructed from the letters of Petr Ivanov. The articles of critics, read on the advice of the elder comrade, were the turning points in Ivanov's life: ". . . You led me to Pisarev and Shelgunov, etc., and gave me, so to speak, the ABC's for understanding them."⁸³ Their relationship can be compared with the enthusiastic letter of Yakov Shmakov, to whom Nakhorov wrote from St Petersburg at the end of 1871 and with whom, apparently, he did not maintain relations at the seminary. "I am glad to be friends, and that there are people who consider me a person, not of the present but of the future, and for this I cannot help but thank you," wrote the second year who was only two years younger than his correspondent. Nakhorov advised Shmakov to read Belinsky and Shpielhagen, to which he received the following answer: ". . . I have been inseparable from Belinsky for more than a month now."⁸⁴

Thus, Nakhorov's advice to his younger comrades did not go beyond the range of articles by democratic critics and educational novels. Apparently, Ivanov read *What Is to Be Done?* by N. Chernyshevsky in 1871 on his own initiative.⁸⁵ The only mention of illegal literature in all of Nakhorov's correspondence is the phrase from Andrei Titov's letter "not a word about Lassalle's associations is mentioned in your letter,"⁸⁶ which can hardly refer to the censored publication of 1870, but is much

⁸¹ "Oskolkov N.P. – Nakhorovu V.A., 2 dekabrya 1872" [From N.P. Oskolkov to V.A. Nakhorov, December 2, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1679, ll. 1 ob.–2. GARF.

⁸² "Titov A.S. – Nakhorovu V.A., 12 aprelya 1872" [From A.S. Titov to V.A. Nakhorov, April 12, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1683, l. 9–9 ob. GARF.

⁸³ "Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 5 iyulya 1871" [From P.A. Ivanov to V.A. Nakhorov, July 5, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 1 ob. GARF.

⁸⁴ "Shmakov Ya. – Nakhorovu V.A., 20 dekabrya 1871" [From Ya. Shmakov to V.A. Nakhorov, December 20, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1685, ll. 1–2. GARF.

⁸⁵ "Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 15 yanvarya 1872" [From P. Ivanov to V.A. Nakhorov, January 15, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 6 ob. GARF.

⁸⁶ "Titov A.S. – Nakhorovu V.A., 12 aprelya 1872" [From A.S. Titov to V.A. Nakhorov, April 12, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1683, l. 9 ob. GARF.

more likely to refer to the mutual aid fund project. When giving explanations to the gendarmes in 1874, Nakhorov argued that the word “association” was “used by his correspondent inappropriately and referred to the desire of his fellow countrymen in St Petersburg to jointly help one poor student.”⁸⁷

In Figure 2, the network under analysis is represented only by the students of Arkhangelsk Theological Seminary; their years of birth are added to the captions. The nodes are color-coded depending on the year of study: orange for the second year; blue for third year; red for the fourth year; green for the fifth year. The same color indicates the graduates of 1871 who left the seminary after their fourth year. Those who completed the full course in 1871 are indicated in lilac. The absence of mentions of the first-year students is understandable, since they entered the seminary in the autumn of 1871 and Nakhorov was not familiar with them. Much more interesting is the absence of the sixth-years. Andrei Titov wrote about them the following: “Our sixth-year students have become completely lazy and are only dreaming of brides. It’s really wild!”⁸⁸ From this message we can conclude that the sixth-year students chose ordination, the prerequisite for which was marriage, i.e. did not share the interest in self-education. Thus, the network included students from four years, from the second year to the fifth, and graduates.

⁸⁷ “Predstavlenie mitropolita Novgorodskogo i Sankt-Peterburgskogo ober-prokuroru Sinoda” [Submission of the Metropolitan of Novgorod and St Petersburg to the Chief Procurator of the Synod]. F. 797, op. 44, d. 61, l. 1 ob. RGIA.

⁸⁸ “Titov A.S. – Nakhorovu V.A., 12 aprelya 1872” [From A.S. Titov to V.A. Nakhorov, April 12, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1683, l. 9. GARF.

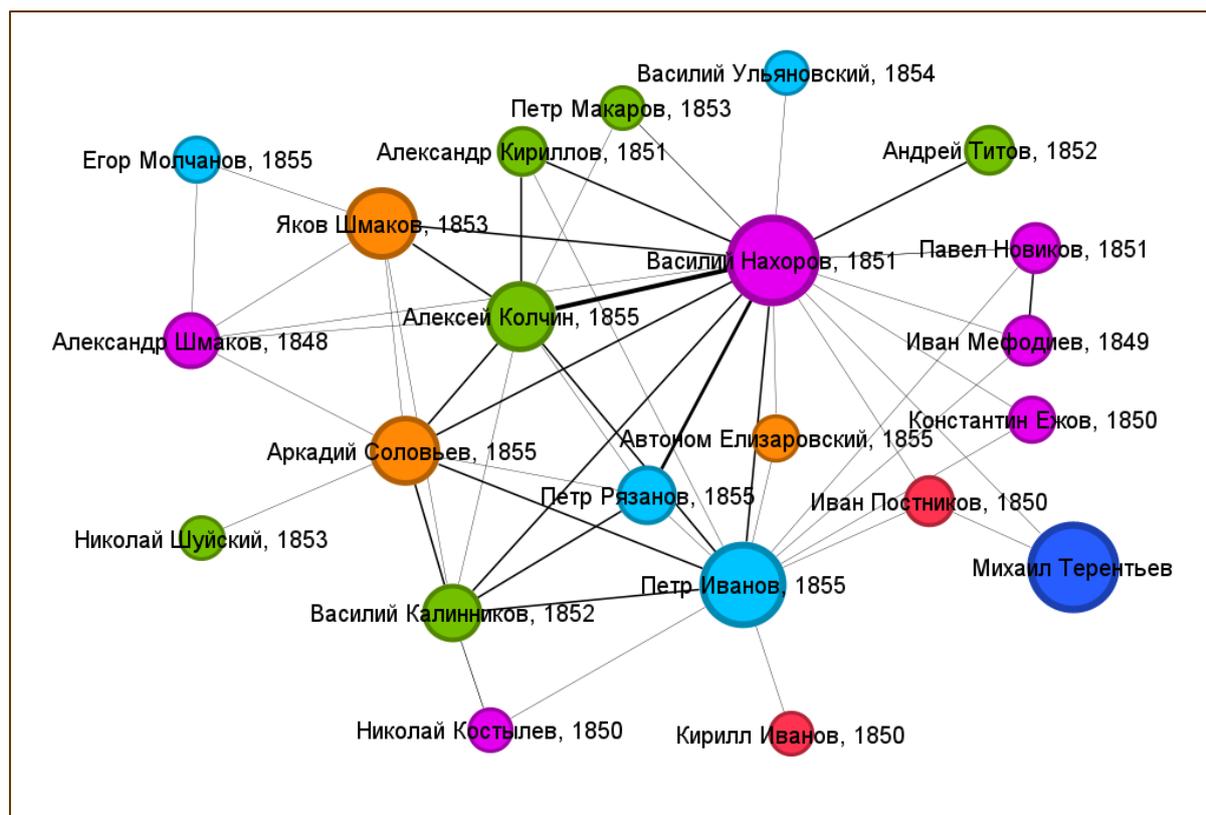

Fig. 2. Network of students of Arkhangelsk Theological Seminary

Despite the fact that the network covered most of the seminary, its density was quite low: only 0.175 (assuming a maximum density of 1). Of special significance is the small number of cliques among classmates: Nakhorov's correspondents more often wrote about their like-minded fellows from other classes and complained about their associates. The only exception is the fifth-year students Aleksei Kolchin and Aleksandr Kirillov, who wrote to Nakhorov together. Perhaps they were included in a tighter group that existed in 1870/71 academic year (the majority of its members left the seminary in the summer). Petr Ivanov joined that couple: in October 1871, the three of them "began studying mathematics and new languages."⁸⁹ It was Aleksei Kolchin who was the addressee of Nakhorov's letter that described the project for a mutual aid fund, which was read from his hands by Petr Ivanov ("showed me your letter") and Yakov Shmakov ("read your thought expressed in the letter of Great Alexis").⁹⁰

Third-year student Ivanov mentioned only one of his classmates, Petr Ryazanov, as well as two second-year students, Arkady Solovyov and Avtonom Elizarovsky. The conflict between the seminarians is evidenced by a vague letter from another third-year

⁸⁹ "Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 13 oktyabrya 1871" [From P.A. Ivanov to V.A. Nakhorov, October 13, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 3 ob. GARF.

⁹⁰ "Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 15 yanvarya 1872" [From P.A. Ivanov to V.A. Nakhorov, January 15, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 6 ob. GARF; "Shmakov Ya. – Nakhorovu V.A., 20 dekabrya 1871" [From Ya. Shmakov to V.A. Nakhorov, December 20, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1685, l. 3. GARF.

student, Vasily Ul'yanovsky. On January 19, 1872, he wrote about misunderstanding that occurred before Nakhorov's departure: "... If I did anything against you, it was [illegibly] out of ignorance because I didn't know then what kind of person you were and what your goals were! But now my eyes have opened, and I have learned."⁹¹ Ul'yanovsky is not mentioned in the letters from other Nakhorov's correspondents. Meanwhile, in 1872, the third-year students organized a "strike" against teacher N. Kubintsev: in February they did not submit an essay in logic, and in May they refused to answer in class. The instigators were brothers Nikolai Kamkin and Aleksandr Kamkin, Evgeny Toshakov, Yakov Dyachkov and Vasily Ul'yanovsky.⁹²

Petr Ivanov maintained the closest relationship with second-year student Arkady Solov'ev: "... Except for Arkady, I couldn't get along with anyone, and, perhaps, I don't want to."⁹³ By the end of the academic year, he had formulated a radical opinion about the remaining seminarians:

... The seminary is such worthless rubbish that it would not be a pity to dump the whole bunch into the Dvina (by the seminary I mean those living in the building). All of them are either vulgar fools or phrase-mongering rags.⁹⁴

It was expressed in an undated letter, apparently written after the February events, which resulted in the ban on communication with Solovyov, an unsatisfactory assessment of behavior⁹⁵ and the rector's verdict: "I put a question mark against Ivanov for the vacation."⁹⁶

In March 1872, Ivanov lost the company of Kolchin and Ryazanov. Fifth-year student Kolchin's decision not to complete the course was premeditated and known to Ivanov ("Aleksi Ivanovich is graduating, and [v]ery soon. And he wants to become a

⁹¹ "Ul'yanovskii V. – Nakhorovu V.A., 19 yanvarya 1872" [From V. Ul'yanovsky to V.A. Nakhorov, January 19, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1684, l. 1–1 ob. GARF. (A letter from Ul'yanovsky to V.A. Nakhorov with a request to write to him his impression of their mutual acquaintances in Arkhangel'sk.)

⁹² Grigorevskii, *Report on the Inspection of Ecclesiastical Educational Institutions*, 28–32.

⁹³ "Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 15 yanvarya 1872" [From P.A. Ivanov to V.A. Nakhorov, January 15, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 7 ob. GARF.

⁹⁴ "Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., b.d. [1872]" [From P.A. Ivanov to V.A. Nakhorov, no date [1872]]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 9. GARF.

⁹⁵ "Zhurnal pedagogicheskogo sobraniya pravleniya Arkhangel'skoi dukhovnoi seminarii, 5 marta 1872" [Journal of pedagogical meeting of the Arkhangel'sk Theological Seminary board, March 5, 1872]. F. 73, op. 1, d. 451, l. 38. GAAO.

⁹⁶ "Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 9 dekabrya 1871" [From P. Ivanov to V.A. Nakhorov, December 9, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 5. GARF.

rural teacher somewhere in Pinega”).⁹⁷ Kolchin himself asked Nakhorov in December 1871:

... Do I need much money for the first time in order to somehow exist in St Petersburg for at least six months? And how many half-kopecks will be needed for the journey? And where do you think is the best place to get ready for? I think for myself that it is the Aesculapius' laboratory.⁹⁸

The decision of the third-year student Ryazanov to leave the seminary a year and a half before the end of his general education course was considered by teacher S. Arsen'ev as madness: “. . . In our class, he told my class-mates that I was crazy.”⁹⁹ In that case, for admission to a higher educational institution, a former seminarian had to take exams for the gymnasium course. In addition, as a student supported by the diocese, he was obliged to repay the cost of his study at the seminary, 135 roubles.¹⁰⁰ Apparently, the decision was made upon his receiving a post of a home teacher in the house of merchant Cherepanov, but in his petition for expulsion the seminarian allowed himself a remark reflecting his worldview: “I cannot and do not want to live further in the seminary, according to the demands of my nature.” According to Ryazanov's letter, the rector considered his decision to be the result of reading inappropriate books: “That's what it means to read a lot of Shchapov and the like. I expected this from you, Ryazanov.”¹⁰¹ Naturally, Ryazanov associated his future with the Medical Surgical Academy. To enter the academy, he was going to move to St Petersburg to prepare for the exam for a year there.¹⁰² Left alone, Petr Ivanov also began to think about expulsion and a post of a teacher (“to wave to the rural

⁹⁷ “Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., 9 dekabrya 1871” [From P. Ivanov to V.A. Nakhorov, December 9, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 7. GARF.

⁹⁸ “Kolchin A.I. – Nakhorovu V.A., 18 dekabrya 1871” [From A.I. Kolchin to V.A. Nakhorov, December 18, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1677, l. 2. GARF.

⁹⁹ “Ryazanov P. – Nakhorovu V.A., 6 maya 1872” [P. Ryazanov to V.A. Nakhorov, May 6, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1680, l. 1 ob. GARF. (A letter with a request to find out about the possibility to enter the Medical Surgical Academy).

¹⁰⁰ “Zhurnal pedagogicheskogo sobraniya pravleniya Arkhangel'skoi dukhovnoi seminarii, 5 marta 1872” [Journal of pedagogical meeting of the Arkhangelsk Theological Seminary board, March 5, 1872]. F. 73, op. 1, d. 451, l. 36. GAAO.

¹⁰¹ “Ryazanov P. – Nakhorovu V.A., 6 maya 1872” [From P. Ryazanov to V.A. Nakhorov, May 6, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1680, l. 1 ob. GARF.

¹⁰² In 1874, he was searched in St Petersburg on suspicion of distributing prohibited books. (*Figures of the Revolutionary Movement in Russia*. Vol. 2, iss. 3, M–P, comp. A.A. Shilov, and M.G. Karnaukhova (Moscow: Vsesoyuznoe obshchestvo katorzhan i ssyl'no-poselentsev, 1931), col. 1384.

population”): “My desire to leave the seminary is not some kind of a whim but a deliberate and necessary action.”¹⁰³ But he did not implement that plan.

The lack of contacts between classmates, even if they shared common views and read the same literature, is especially noticeable in the instance of second-year students Arkady Solovyov and Yakov Shmakov. After the discovery of seditious correspondence with Nakhorov and the rector’s ban on communication with Ivanov, Solov'ev had to associate with his classmates: “. . . We got along, but for nothing. Pavlov, Popov and the like are misers, to say nothing about the rest. Shmakov alone reads more seriously than others, but he does so on occasions.”¹⁰⁴ At the same time, it is known from Shmakov’s letters to Nakhorov that Shmakov had been reforming himself since October 1871:

I am not ashamed (and I used to be ashamed!) to openly admit that all the years of studying at school passed without any benefit, since the acknowledgement of one’s guilt is a sure earnest of correction, as Belinsky says.¹⁰⁵

Although the network under analysis was formed around reading books and self-education, “ideal aspirations” were not the only thing that united its members. In October 1871, Arkady Solovyov wrote that Nakhorov’s reputation in the opinion of the rector was spoiled by the information about “everyone who participated in the expedition to Filat”.¹⁰⁶ In December 1871, Petr Ivanov reported that he and two of Nakhorov’s classmates, Ivan Mefod'ev and Pavel Novikov, participated in a “great libation to Bacchus,” after which they decided to write to him in St Petersburg.¹⁰⁷ At the same time, alcohol consumption, which was one of the main concerns of the Synod Educational Committee, was also problematized in that environment. Petr Ivanov persuaded Nakhorov to give up “frequent libations”:

I imagine, your situation is similar to the situation of exiles in a provincial town, who drink away their grief and loneliness. But Vasily Andreevich, your cause is not lost, and your organization, as I think, is not entirely Herculean. Take care of

¹⁰³ “Ivanov P.A. – Nakhorovu V.A., b.d. [1872]” [From P.A. Ivanov to V.A. Nakhorov, no date [1872]]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 9 ob. GARF.

¹⁰⁴ “Solov'ev A.F. – Nakhorovu V.A., 15 iyunya 1872” [From A.F. Solov'ev to V.A. Nakhorov, June 15, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1681, l. 2 ob. GARF.

¹⁰⁵ “Shmakov Ya. – Nakhorovu V.A., 20 dekabrya 1871” [From Ya. Shmakov to V.A. Nakhorov, December 20, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1685, l. 1. GARF.

¹⁰⁶ “Solov'ev A.F. – Nakhorovu V.A., 15 iyunya 1872” [From A.F. Solovyov to V.A. Nakhorov, June 15, 1872]. F. 112, op. 2, d. 1681, l. 1 ob. GARF.

¹⁰⁷ “Ivanov P.A. – V.A. Nakhorovu, 9 dekabrya 1871” [From P. Ivanov to V.A. Nakhorov, December 9, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 5 ob. GARF.

yourself so as not to end your activities in the academia, because, I think, you are not averse to some ideal aspirations.¹⁰⁸

Conclusion

The analysis of Vasily Nakhorov's correspondence in combination with the journals of pedagogical meetings and materials from revisions of Arkhangelsk Theological Seminary allows us to see in detail how a community of readers was formed and functioned around progressive literature in the early 1870s. The specific feature of the Arkhangelsk case was inclusion of political exiles in it. Through them, the seminarians were connected with the progressive youth in the city. At the same time, it was not the exiles who determined the interest of the seminarians in secular literature. The inspectors' reports systematically included information about the seminarians' visits to public libraries, including the dioceses where there was no political exile.¹⁰⁹ Thus, the "Malikov's circle" only satisfied the demand for educational literature and democratic periodicals that existed among the seminarians. Although contacts with political exiles opened up the network of relations that was closed within the clergy, the main counterparties were teachers and students of women's and men's religious schools, which indicates the preservation of class barriers in the provincial city.

Until the autumn of 1871, relatively liberal rules reigned in the Arkhangelsk seminary. It was reformed according to the charter of 1867, which allowed students to choose and read books without supervision from teachers. In the 1870/71 academic year, mandatory reading reports were introduced at the seminary, the purpose of which was to organize and encourage extracurricular reading but not to control it. As a report, Vasily Kalinnikov submitted a review of *A History of the Intellectual Development of Europe* by J.W. Draper, which was later banned for seminarians by the Educational Committee, and Andrei Titov submitted an analysis of the work by *The Human as a Subject of Education: Pedagogical Anthropology*.¹¹⁰ Thus, the teachers themselves supported the students' interest in secular literature. "Persecution" began in the 1871/72 academic year and was probably associated with mass withdrawal from the clergy of the 1871 graduates as well as great number of contacts with the city and exiles, which resulted in the publication of A. Prugavin's piece about the morals in the seminary in the newspaper *Novoe Vremya* in February 1872.

¹⁰⁸ "Ivanov P.A. – V.A. Nakhorovu, 9 dekabrya 1871" [From P. Ivanov to V.A. Nakhorov, December 9, 1871]. F. 112, op. 2, d. 1676, l. 4–4 ob. GARF.

¹⁰⁹ For example, I.K. Zinchenko, *Report on the Inspection of Ecclesiastical Educational Institutions of the Kazan Diocese for 1871* [in Russian] (St Petersburg: n.p., 1872), 34.

¹¹⁰ "Otchet o sostoyanii Arkhangel'skoi Dukhovnoi seminarii za 1870/71 uchebnyi god" [Report on the state of Arkhangelsk Theological Seminary for the 1870/71 academic year]. F. 802, op. 9, d. 1, l. 89–89 ob. RGIA.

In the 1870/71 academic year, connections may have been tighter than they became a year later. What indicates this is the large number of contacts between the graduates of 1871 and their associates who stayed in the seminary. At the moment, immediately recorded in the letters addressed to Nakhorov, those ties were weakened, among other things, due to the rector's direct ban on communication between the seminarians and control over their correspondence. Although there were many like-minded people among the seminarians who shared "ideal aspirations" or at least did not have "the religious feeling," they did not form a circle and even did not always communicate with each other. Indicative are the cases of Solov'ev and Shmakov, Nikolai Shuisky, and other fifth-year students who were preparing to enter the Medical Surgical Academy at the same time.

Although the network covered four of the six years, close relationships were maintained by students from different classes, including those with significant age gap who shared common beliefs. They were also characterized by a negative attitude towards their classmates, which sometimes resulted in unflattering descriptions of "vulgar fools or phrase-mongering rags." It is worth noting separately that the "strike" against the teacher of logic was organized by the students who most likely were not members of the network under analysis. This episode does not appear in Nakhorov's correspondence at all, and Petr Ivanov's behavior during the lesson disrupted in May looks dubious. The students agreed not to prepare the lesson "due to their lack of understanding," but when the inspector appeared, Ivanov admitted that he "knew the lesson with a vague understanding."¹¹¹ The "revolts" of the seminarians were a consequence of the internal life of the educational institution rather than reading progressive literature.

Finally, moving to St Petersburg and existing as part of the community did not automatically involve further radicalization and entry into the revolutionary circles even for those seminarians who were interested in cutting-edge literature and shared the attitude of serving the common good. From this point of view, indicative is the destiny of Vasily Nakhorov, who literally raised a cohort of readers of cutting-edge literature from junior-year students and then returned to the Arkhangelsk Seminary as a teacher. Petr Ivanov,¹¹² Petr Ryazanov, and Nikolai Kostylev were involved in the investigation into the case of propaganda in the empire at different times in the same way as Vasily Nakhorov was, but it was not them but Evgeny Toshakov, one of the organizers of the "strike," who had a revolutionary biography. He was arrested in 1877

¹¹¹ "Zhurnal pedagogicheskogo sobraniya pravleniya Arkhangel'skoi dukhovnoi seminarii, 5 iyunya 1872" [Journal of pedagogical meeting of the Arkhangelsk Theological Seminary board, June 5, 1872]. F. 73, op. 1, d. 451, l. 76. GAAO.

¹¹² From 1873 on, he lived in St Petersburg. In 1877 he spread propaganda in Uralsk, was arrested as a tramp under the surname Lebedev, and was deported to his homeland in 1878 (*Figures of the Revolutionary Movement in Russia*, vol. 2, iss. 2), col. 490.

in St Petersburg for belonging to the “Society of Friends” of M. Natanson’s and was exiled to Irkutsk Governorate for settlement in 1888.¹¹³

Список литературы

Ильасова Л.Р. Идеиные искания русской разночинной интеллигенции в отражении литературы о «новых людях» рубежа 60–70-х годов XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История, История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 96. С. 44–61. <https://doi.org/10.15382/sturII202096.44-61>

Лурье Л.Я. Перепись народников. От Нечаева до Дегаева. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2022. 304 с.

Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / перевод с английского А.Ю. Полунова. Москва: Новое литературное обозрение, 2015. 448 с.

Рубцов А.А. Антиправительственное движение 1860–1870-х годов и деятельность органов политического дознания в Российской империи (законодательные нормы и следственная практика): дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2023. 223 с.

Сафронова Ю.А. Самообразование vs внеклассное чтение: светская литература в православных духовных семинариях после реформы 1867 г. // Антропологический форум. 2023. № 57. С. 61–85. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-57-61-85>

Соловьев К.А. «Я сказал: вы – боги...»: религиозное течение в освободительном движении 70-х гг. XIX в. в России («богочеловечество»). Москва: Книжный перекресток, 2012. 164 с.

Сушко А.В. Духовные семинарии в пореформенной России (1861–1884 гг.). Санкт-Петербург: СПбГМА им. И.И. Мечникова, 2010. 254 с.

Троицкий Н.А. Первые из блестящей плеяды (Большое общество пропаганды 1871–1874 гг.). Саратов: Издательство Саратовского университета, 1991. 312 с.

Щербакова Е.И. «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е годы XIX в.). Москва: Новый Хронограф, 2008. 224 с.

Leibov R., Vdovin A. What and How Russian Students Read in School, 1840–1917 // Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia. Vol. 2 / edited by D. Rebacchini, R. Vassena. Milano: Ledizioni, 2020. P. 259–316.

References

Il'yasova, L.R. “Ideinye iskaniya russkoi raznochinnoi intelligentsii v otrazhenii literatury o ‘novykh lyudyakh’ rubezha 60–70-kh godov XIX v.” [Ideological quests of the Russian intelligentsia of miscellaneous ranks and their reflection in the literature about the “new people” at the turn of the 1860–1870s]. *Vestnik Pravoslav'nogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istoriya, Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, iss. 96 (2020): 44–61. <https://doi.org/10.15382/sturII202096> (In Russian)

¹¹³ *Figures of the Revolutionary Movement in Russia*. Vol. 2, iss. 4, S–Ya, comp. A.A. Shilov, and M.G. Karnaukhova (Moscow: Vsesoyuznoe obshchestvo katorzhan i ssyl'no-poselentsev, 1932), col. 1729–31.

Leibov, R., and A. Vdovin. “What and How Russian Students Read in School, 1840–1917.” In *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, vol. 2, edited by D. Rebacchini, and R. Vassena, 259–316. Milano: Ledizioni, 2020.

Lur'e, L.Ya. *Perepis' narodnikov. Ot Nechaeva do Degaeva* [Census of the Narodniks: from Nechaev to Degaev]. St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2022. (In Russian)

Manchester, L. *Popovichy v miru: dukhovenstvo, intelligentsiya i stanovlenie sovremennogo samosoznaniya v Rossii* [Holy fathers, secular sons: clergy, intelligentsia, and the modern self in revolutionary Russia], translated from English by A.Yu. Polunov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. (In Russian)

Rubtsov, A.A. “Antipravitel'stvennoe dvizhenie 1860–1870-kh godov i deyatel'nost' organov politicheskogo doznaniya v Rossiiskoi imperii (zakonodatel'nye normy i sledstvennaya praktika)” [Anti-government movement of the 1860–1870s and the activities of political investigation bodies in the Russian Empire (legislative norms and investigative practice)]. PhD diss., St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 2023. (In Russian)

Safronova, Yu.A. “Samoobrazovanie vs vneklassnoe chtenie: svetskaya literatura v pravoslavnykh dukhovnykh seminariyakh posle reformy 1867 g.” [Self-Education vs extracurricular reading: secular literature in orthodox theological seminaries after the reform of 1867]. *Antropologicheskii forum*, no. 57 (2023): 61–85. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2023-19-57-61-85> (In Russian)

Shcherbakova, E.I. “*Otshchepentsy*”. *Put' k terrorizmu (60–80-e gody XIX v.)* [“The apostates.” The path to terrorism (the 1860s–1880s)]. Moscow: Novyi Khronograf, 2008. (In Russian)

Solov'ev, K.A. “*Ya skazal: vy – bogi...*”: *religioznoe techenie v osvoboditel'nom dvizhenii 70-kh gg. XIX v. v Rossii (“bogoche lovechestvo”)* [“I said, you are gods...” Religious trend in the liberation movement of the 1870s in Russia (“divine humanity”)]. Moscow: Knizhnyi perekrestok, 2012. (In Russian)

Sushko, A.V. *Dukhovnye seminarii v poreformennoĭ Rossii (1861–1884 gg.)* [Theological seminaries in post-reform Russia (1861–1884)] St Petersburg: SPbGMA im. I.I. Mechnikova, 2010. (In Russian)

Troitskii, N.A. *Pervye iz blestyashchei pleyady (Bol'shoe obshchestvo propagandy 1871–1874 gg.)* [The first of the brilliant pleiad (The Grand Propaganda Society of 1871–1874)]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1991. (In Russian)

Информация об авторе

Юлия Александровна Сафронова – кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0003-3900-1994>, jсаfronova@eu.spb.ru, Европейский университет в Санкт-Петербурге (д. 6/1 А, ул. Гагаринская, 191187 Санкт-Петербург, Россия).

Information about the author

Yuliya A. Safronova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, jсаfronova@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3900-1994>, European University at St Petersburg (6/1 A, ul. Gagarinskaya, 191187 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 03.10.2023; одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 10.11.2023.

The article was submitted 03.10.2023; approved after reviewing 30.10.2023; accepted for publication 10.11.2023.